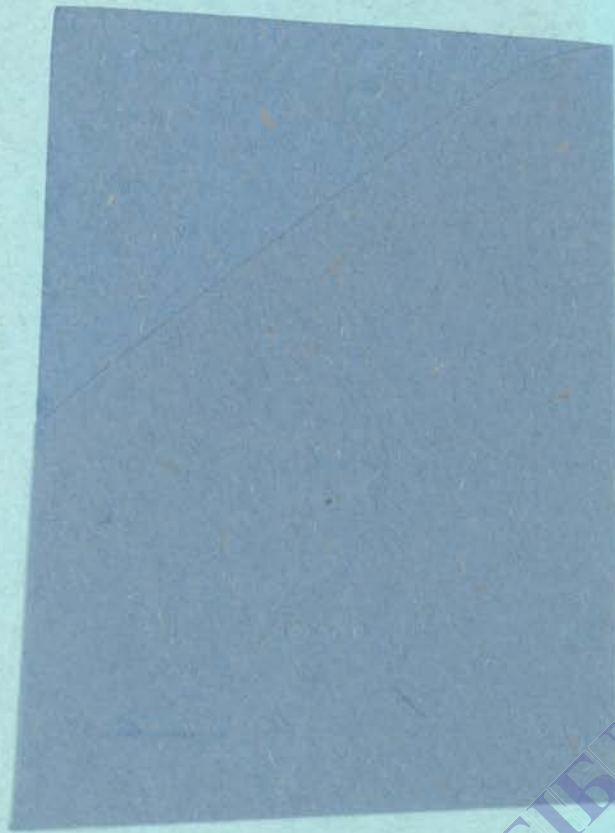

Поминки Г. Г. Шевченка
в
русской печати

НАУКОВА БИБЛІОТЕКА ОНУ В. ІІ. МЕРЛИКОВА

29-a

42

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

99-a
42

К

Поминки Т. Г. Шевченка въ русской печати

въ сороковую годовщину его смерти.

(26-го февраля 1901 года).

I.

„Кто то сказалъ, что впечатлѣнiе, производимое смертiю челоуѣка, показываетъ значенiе его жизни. Смерть общественнаго челоуѣка уясняетъ и его самого, и самое общество: по впечатлительности и послѣдующимъ проявленiямъ общественнаго сердца можно навѣрное судить, чѣмъ оно бьется.“

И акимъ энграфомъ начинать А. Т—ый свое „Напоминанiе о Т. Г. Шевченкѣ“ 23 года тому назадъ въ покойномъ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1878 г. № 57. Авторъ напомнилъ, какое впечатлѣнiе на общество произвела смерть Шевченка, какъ проявились тогда общественныя симпатiи къ личности и къ поэзи этого „печальника горя народнаго“ и какъ общество желало увѣковѣчить память его. Указавъ затѣмъ на заявленныя по этому поводу въ „Основѣ“ намѣренiя почитателей поэта, авторъ напоминаетъ о томъ, какъ мало изъ этихъ намѣренiй осуществилось, и предлагалъ хлопотать объ основанiи школы имени Шевченка, которая и была бы лучшимъ памятникомъ поэту, „и день, и ночь“ съ мучительной тревогой думавшему о томъ, „чому не иде апостоль правды и науки“.

Намѣренiя же почитателей поэта, какъ напечатано было о нихъ въ польской книгѣ „Основы“ 1861 г., состояли въ слѣдующемъ (не лишнимъ находимъ напомнить ихъ и здѣсь): 1) перевести тѣло его на Украину; 2) поставить ему памятникъ; 3) основать народную школу подъ именемъ Тарасовой или Шевченковой; 4) содержать одного или нѣсколько стипендиатовъ въ университетахъ кievскомъ и харьковскомъ, одесскомъ лицей и академiи художествъ; 5) издать наилучшимъ образомъ его сочиненiя; 6) назначить премии за лучшее жизнеописанiе поэта и за лучший критическiй разборъ его сочиненiй; 7) издавать народныя руководства по разнымъ предметамъ; 8) помогать его роднымъ и 9) кому либо изъ ближайшихъ друзей его ежегодно посѣщать его могилу на Украинѣ“.

„Неужели этимъ благимъ намѣренiямъ, — писалъ въ заключенiе А. Т—ый, — провозглашеннымъ печатно, такъ и оставаться невыполненными? Долго ли тянуть намъ старую пѣсню:

Суждены вамъ благiе порывы,

Но свершить ничего не дано, —

даже въ такомъ дѣлѣ, какъ увѣковѣченiе памяти народнаго поэта, о которомъ еще такъ недавно говорили: «не по мертвыхъ бо пославъ його Господь головыты, а живыхъ на дило жызни воздыгаты»?... «Напоминанiе» вызвало нѣкоторый откликъ, хотя и весьма незначительный, быть можетъ, и по особымъ челоуѣчскимъ причинамъ. Тѣмъ не менѣе послѣ него по крайней мѣрѣ могила поэта

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ М. П. МЕНШИКОВА

была упрямлена, а вмѣсто подгнивавшего уже деревяннаго креста водрузился на ней огромный желѣзный крестъ, невольно привлекающій вниманіе всѣхъ проѣзжающихъ по Дибру. Сохраненіе могилы въ надлежащемъ видѣ такъ или иначе обезпечено. Но исполнено ли этимъ намѣреніе почитателей, выраженное во 2-мъ пунктѣ? Крестъ на могилѣ—хотя бы и превосходный—это ли памятникъ?

Ровно 20 лѣтъ тому назадъ вновь было появилось «Напоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ» въ кievской газетѣ «Заря» (см. № 42 отъ 20 февраля 1881 г.) и появилось, повидимому, въ хорошее время. Редакція газеты, передавъ сущности одесскаго напоминанія, писала: «Въ настоящее время, когда «новыя вѣянія» подають нѣкоторую надежду если не на «благораствореніе воздуховъ», то на удаленіе наиболѣе зловредныхъ миазмовъ въ воздухъ, не дававшихъ дышать, надо думать, что въ Одессѣ возобновятъ дѣло увѣковѣченія памяти народнаго поэта памятникомъ, достойнымъ его имени. Но въ Одессѣ нѣтъ такого учрежденія, которое могло бы взять на себя приемъ пожертвованій на такой памятникъ поэту. У насъ же въ Кіевѣ есть «Историческое общество лѣтописца Нестора», которому не можетъ быть чуждо дѣло чествованія историческихъ дѣятелей, какъ это доказало уже «Общество», помянувъ недавняго покойника Ѳ. М. Достоевскаго. Открывши подписку на основаніе народнои школы имени Т. Г. Шевченка, «Историч. общество лѣтописца Нестора» доказало бы только, что настала пора спокойно огнестис къ дѣятелямъ прошлаго, справедливо оцѣнить ихъ и почтить ихъ заслуги. Наконецъ, и наше городское управленіе могло бы принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Киевская городская дума, порѣшивъ въ засѣданіи своемъ 5-го февраля назвать вновь открываемое народное училище дорогимъ для русскаго человѣка именемъ Ѳ. М. Достоевскаго, тѣмъ самымъ доказала, что «мать городовъ русскихъ» умѣетъ чтить сыновъ русской земли; а потому можно бы пожелать, чтобы она и по отношенію къ Т. Г. Шевченку проявила такое же умѣнье. Она могла бы избрать изъ среды своей такой комитетъ, который, — заручившись официальнымъ разрѣшеніемъ, — и былъ бы исполнителемъ желанія общества воздвигнуть памятникъ поэту: приличнѣе всего быть такому комитету въ Кіевѣ, какъ существуетъ уже, напримѣръ, для устройства памятника Гоголю подобный комитетъ въ Нѣжинѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ Кіевъ былъ свидѣтелемъ глубоко-знаменательныхъ встрѣчъ и проводовъ праха поэта, когда несмѣтная толпа народа, самое разнообразное общество, учащее и учащееся, слѣпили почтить память поэта присутствуя на панихидахъ по немъ, слушая надгробныя рѣчи, провожая далеко за городъ печальную колесницу... Неужели все это забыто? Трудно допустить. Поэтъ не забыть, и Кіевъ, центръ умственной жизни края, знаетъ цѣну поэту.

Пора бы уже намъ и не взваливать все на «независанія отъ насъ обстоятельства» и не играть въ такомъ дѣлѣ, какъ чествованіе своихъ историческихъ дѣятелей, роли «непомнящихъ родства»: «бо хто батько—матирь забуває,

Того Богъ карае,
Чужы люде дурають,
Въ хату не пускають».

Это было писано, повторяемъ, 20 лѣтъ тому назадъ... Тогда же и другая кievская газета «Трудъ» въ № 23, въ годовщину смерти Шевченка, напоминала своимъ читателямъ о «благихъ намѣреніяхъ» относительно чествованія его памяти, перепечатавъ изъ «Основы» всѣ ихъ «пункты». Передовую статью свою въ этотъ день газета начала словами поэта, которыми онъ выразилъ надежду на то лучшее будущее, когда слово, долженствующее стать на сторожѣ, будетъ охранять нѣмыхъ рабовъ отъ неправдъ людскихъ.

Воскресну нынѣ, рады йнхъ,
Людей закованыхъ монхъ—
Убогихъ, нищихъ... Возвелычу

Малыхъ оттыхъ рабывъ нимихъ!
Я на сторожи коло йнхъ
Поставлю слово.

Въ заключеніи же статьи почтенная редакція, обративъ особое вниманіе на 7-й пунктъ «намѣреній», призывала къ его выполненію, какъ наиболѣе настоятельнаго, неотложнаго. «Сборъ на изданіе книгъ для народнаго чтенія, — читаемъ въ этой статьѣ, — производился Н. И. Костомаровымъ сейчасъ послѣ смерти Шевченка, и собралась довольно значительная сумма. На эти деньги была издана книга «Оповѣданія съ святаго письма» о. Опатовича, и затѣмъ силою судьбы изданія приостановились на долго. Въ началѣ 70-хъ годовъ онѣ возобновились въ Кіевѣ, гдѣ было издано нѣсколько популярныхъ книгъ. Лишь теперь, послѣ уничтоженія нѣкоторыхъ стѣсненій для печатанія книгъ на малорусскомъ языкѣ, можно надѣяться на выполненіе того пункта обѣщаній, который касался книгъ для малорусскаго народа, конечно, если дальнѣйшія распоряженія относительно книгъ этого рода будутъ благоприятствовать литературной дѣятельности въ названномъ направленіи. Недавно Н. И. Костомаровъ пригласилъ своихъ земляковъ къ этой дѣятельности, и въ день годовщины смерти Т. Г. Шевченка мы находимъ наиболее умѣстнымъ присоединиться къ его призыву. Говорить о настоятельной потребности этихъ книгъ—совершенно излишне... Такъ писали «Трудъ» 20-лѣтъ тому назадъ... Хотя по прежнему обстоятельства мало благоприятствуютъ литературной дѣятельности въ названномъ направленіи, хотя «говорить о настоятельной потребности этихъ книгъ» оказывается совсѣмъ не излишнимъ и теперь; но все же въ истекшія 20 лѣтъ кое что въ этомъ направленіи сдѣлано: нѣкоторымъ откликомъ на призывъ Н. И. Костомарова, указанный газетою «Трудъ» какъ на выполненіе 7-го пункта «благихъ намѣреній», 40 лѣтъ тому назадъ провозглашенныхъ почитателями Шевченка, можно признать недавно организовавшееся въ Петербургѣ «Благотворительное общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ», уставъ котораго утвержденъ правительствомъ 19 ноября 1898 г., а по § 1 этого устава «Общество имѣетъ цѣлью придти на помощь религіозно-нравственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа. Съ этой цѣлью Общество издаетъ одобренныя цензурою дешевыя и доступныя по языку и изложенію книги, какъ религіозно-нравственнаго содержанія, такъ и по всѣмъ отраслямъ сельско-хозяйственнаго и вообще промышленнаго знанія, а равно и литературно-художественнаго содержанія».

Въ томъ же 1898 г. утвержденъ уставъ и другого, въ Петербургѣ же, Общества, уже прямо связаннаго съ именемъ поэта и имѣющаго возможность хоть въ небольшой мѣрѣ исполнить 4-й пунктъ этихъ «намѣреній». Мы говоримъ объ «Обществѣ имени Т. Г. Шевченка», которое имѣетъ цѣлью, согласно § 1 своего устава, «попеченіе о недостаточныхъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга—уроженцахъ Южной Россіи». Такимъ образомъ, при посредствѣ этого «Общества» земляки, сочувствующіе 40 лѣтъ тому назадъ предполагаемой формѣ чествованія и увѣковѣченія памяти роднаго поэта, могутъ своими пожертвованіями учредить стипендіи его имени въ Петербургской академіи художествъ, куда не мало устремляется нашихъ земляковъ, большею частію съ крайне ограниченными матеріальными средствами, а то и совсѣмъ безъ средствъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ ни въ одномъ изъ южно-русскихъ городовъ почему то не могла устроиться самая обычная по отношенію къ другимъ «Обществамъ» форма собранія средствъ—литературно-музыкальные и танцевальныя вечера въ пользу этого «Общества имени Т. Г. Шевченка», а потому и вынуждено оно довольствоваться весьма ограниченными средствами, собираемыми въ столицѣ, да случайными пожертвованіями отдѣльныхъ лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ «Общества», о существованіи котораго они имѣли возможность узнать.

Нельзя не пожелать, чтобы и въ провинціальныхъ городахъ Южной Россіи устраивались въ пользу обоихъ выше названныхъ «Обществъ», хотя бы по разу въ годъ, литературно-музыкальные, танцевальные вечера, публичныя лекціи и т. п. Безъ такихъ сборовъ едва ли можно рассчитывать на значительное увеличеніе средствъ этихъ «Обществъ», а слѣд. и на надежное развитіе ихъ полезной дѣятельности. А только широко развитою ихъ дѣятельностью и будутъ осуществлены пп. 4 и 7 выраженныхъ земляками способовъ увѣковѣченія памяти Шевченка...

Сорокъ лѣтъ уже прошло со дня его смерти... «Долгій срокъ—сорокъ лѣтъ»... пишетъ А. Ефименко въ февральской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» за текущій годъ: «Ушло за Шевченкомъ въ могилу большинство тѣхъ, кто зналъ и любилъ его; неразумныя дѣти обратились въ зрѣлыхъ людей, у которыхъ больше жизни назади, чѣмъ впереди. А какъ измѣнилась за это время сама Украина! Достаточно было времени, слишкомъ достаточно случаевъ, чтобъ подумать, чтобъ дать себѣ отчетъ: въ чемъ же, собственно, дѣло Шевченка? что далъ Шевченко Украинѣ? Небольшая, но прекрасно написанная статья почтеннаго автора („Памяти Т. Г. Шевченка“) и является отвѣтомъ на этотъ именно вопросъ. Указавъ на значеніе въ историческомъ развитіи народа родного языка, авторъ такъ опредѣляетъ значеніе личности и дѣятельности Шевченка, какъ крупнаго общественнаго историческаго факта: „Его устами какъ бы заговорилъ самъ украинскій народъ и заявилъ міру о томъ, какъ богатъ и звученъ его языкъ, какъ содержательна его исторія, какъ своеобразна и интересна вся его духовная природа. Поэзія Шевченка есть проявленіе національнаго самосознанія. Насколько, въ самомъ дѣлѣ, широко развито у насъ такое сознание? Какъ глубоко у насъ проникаетъ оно?..»

Мысль объ этомъ побудила меня, между прочимъ, съ особымъ вниманіемъ отнестись къ тому, что сказалось въ печати, главнымъ образомъ провинціальной, по поводу сороколѣтія со дня смерти Шевченка. Хотя нашу печать можно лишь съ весьма большими ограниченіями принимать за выразительницу общественнаго „сознанія“ и по ней одной нельзя еще судить о томъ, „чѣмъ бьется общественное сердце“ по отношенію къ поминаемому покойнику какъ оцѣнивается значеніе его жизни, тѣмъ не менѣе обзоръ статей, посвященныхъ памяти Т. Г. Шевченка, появившихся въ разныхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ по поводу исполнившейся сороковой годовщины его смерти, представляетъ весьма значительный интересъ. Вотъ почему мы и рѣшаемся предложить его вниманію читателей.

II.

1) Изъ газетъ петербургскихъ, кажется, только „Новости“ отгѣтили 40-лѣтнюю годовщину смерти Т. Г. Шевченка, посвятивъ памяти его тепло написанную статью.

Указавъ на то, что дѣтство Шевченка совпало съ наиболѣе сильнымъ развитіемъ на его родинѣ началъ крѣпостничества и съ окончательнымъ разобщеніемъ народнаго и интеллигентнаго классовъ, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что эта рознь классовъ выразилась на Украинѣ даже въ языкѣ.

Образовались два языка—«панскій» языкъ интеллигенціи и «мужичій» языкъ народа. Такое двуязычье еще болѣе обостряло классовыя отношенія; оно при всякомъ сношеніи «пана» съ «мужикомъ» напоминало послѣднему о порабощеніи его первымъ и не давало остывать естественной, но крайне нежелательной и вредной враждѣ двухъ сословій.

Въ это-то безотрадное время наибольшаго развитія «мужичкаго» беззавѣрія раздался съ Украины голосъ за мужика-крѣпачка, голосъ, тѣмъ болѣе сильный и могучій, что это былъ не просто голосъ писателя, но стонъ, вопль писателя изъ убогой, темной избы крѣпостнаго крестьянина. Это былъ голосъ поэта-мужика, испытавшаго на собственной спинѣ всѣ ужасы крѣпостнаго ярма, все варварство человѣка надъ человѣкомъ.

Это былъ поэтъ, у котораго не было ни одного мускула, ни одного нерва, не болѣвшаго болью коллективной народной души.

Властный голосъ поэта невольно приковывалъ къ себѣ вниманіе, не исключая и тѣхъ, кому онъ не могъ понравиться. Слово его—«не древнее, не ветхое слово, розглинное» (не старое, древнее, расглинное), но слово новое:

«Неначе срибло куте-быте

«И семыкраты перельге

«Огнемъ въ горныли»;

слово его было поставлено «за стражѣ» воплѣ

«Людей закованыхъ моихъ,

Убогихъ, ныщихъ

Малыхъ оттыхъ рабывъ нимыхъ».

для того, чтобы «людѣ окраденный» спасти. Это-то новое слово дѣйствительно

«Огнемъ заговорило,

И людемъ сердце ростопыло

И по Украинѣ пронеслось».

Во вдохновенныхъ стихахъ Шевченка раскрывается глубокая пропасть социальнаго зла, причиняемаго крѣпостнымъ правомъ. «Если-бы рассказать,—говоритъ онъ,—исторію-правду о какомъ-нибудь одномъ магнатѣ, то самый адъ можно-бы привести въ ужасъ, а старика Данте можно привести въ изумленіе однимъ нашимъ «полупанкомъ».

Упомянувъ объ имѣющихся въ „Кобзарѣ“ картинахъ прошлаго, казацкаго періода исторіи, въ которомъ видно было стремленіе устроить равную правду для всѣхъ, видна была горячая борьба за эту правду или хоть мечь за нарушеніе ея, авторъ говоритъ въ заключеніе:

Но поэтъ въ прошломъ Украинѣ не находилъ удовлетворенія своимъ идеаламъ свободы и правды, убѣждаясь, что настоящею причиною политическихъ и социальныхъ бѣдствій его родины была та казацкая старшина, которая погналась за личными выгодами, забывъ объ интересахъ народа. Шляхетскимъ идеаламъ гетманства поэтъ противопоставляетъ идею освобожденія безправной массы и уравненія ея въ гражданскихъ правахъ съ другими общественными классами, такъ какъ этимъ путемъ могутъ быть устранены печальныя послѣдствія существующихъ социальныхъ отношеній.

«Обнимите, братья мой,

Найменьшого брата,—

Нехай маты усмихнется,

Заплакана маты;

Благословить дѣтей своихъ

Твердыми руками

И обмытыхъ поцлуйте

Вольными устами!

И забудется срамотня,

Давняя годына,

И оживе добра слава,

Слава Украины,

И свить ясный, не вечерній

Тыхенко засне»...

2) Если общественно-литературныя петербургскія газеты такъ мало удѣлили вниманія 40-лѣтнюю со дня смерти поэта, то не оставилъ этого дня безъ вниманія специально военный органъ „Русскій Инвалидъ“, помѣстившій въ № 42 весьма симпатичную поминку поэта.

«Десять лѣтъ, проведенныя Шевченкомъ «подъ красной шапкой», нашъ военный органъ признаетъ несомнѣнно наиболѣе тяжелыми страницами вообще скорбной жизни поэта. «Русскій Инвалидъ» впрочемъ хочетъ быть «справедливымъ». Все-ли Шевченко—спрашиваетъ онъ—взять отъ той солдатской среды, куда случайно и невольно попалъ, все-ли, что могла дать и что дала другимъ случайнымъ гостямъ ея?

Вѣдь вотъ, наиримѣрь, Погоскій. Онъ полюбилъ товарищей своихъ, этотъ мрачный, суровый народъ, изъ котораго нѣкоторые по два, по три раза прошлись по зеленой улицѣ... «Полюбили и они меня—сознавался Погоскій... И эта взаимная привязанность облегчила ему восьмилѣтнюю солдатскую ляжку... У Шевченка да и у другого поэта-солдата — Полежаева, мы не встрѣчаемъ такихъ признаній, не было и такой близости къ солдатской средѣ, которая создавала-бы новые интересы, новыя привязанности, заполнявшіе пропасть, вырытую судьбою въ отношеніи старыхъ друзей и прежнихъ интересовъ. А между тѣмъ Шевченко — крестьянинъ по происхожденію — могъ быть ближе, роднѣе тогдашней солдатской массѣ, чѣмъ Погоскій, бывший для нея все-же баричемъ...

Чѣмъ-же это объясняется? А вотъ чѣмъ.

Погоскій попалъ въ солдатскую среду еще шестнадцатилѣтнимъ отрокомъ, не сложившимся, не знавшимъ жизни, не имѣвшимъ иныхъ друзей, кромѣ школьныхъ, не рѣшавшимъ иныхъ задачъ, кромѣ арифметическихъ; за нимъ не было востраданнаго прошлаго, надъ результатами котораго судьба вдругъ ставила крестъ. У Шевченка, да и у Полежаева все это было. Шевченко попалъ въ солдатскую среду уже сложившимся человекомъ, стоялъ во всѣхъ отношеніяхъ выше ея, и тѣмъ мучительнѣе было для него то состояніе, которое онъ самъ выразилъ слѣдующими стихами, молившими Бога:

... Щобъ свитало,
Мовъ воли, сонца, свиту жду;
Цвиркунъ замовкне, «зорю» бують,—
Благаю Бога, щобъ смеркало!
Бо на позорыще ведуть
Старого дурня муштроваты.

Что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ мучительнѣе этого состоянія?! «Вмѣсто Кіева—Оренбургская стѣня, вмѣсто университета казарма, вмѣсто кистей и палитры—ружье, вмѣсто занятій поэзіей, живописью—«учебный шагъ», «пріемы», вмѣсто общества образованныхъ людей съ ясно выраженными духовными интересами—казарменное товарищество, а главное—вѣчный ежеминутный страхъ за возможность быть униженнымъ и оскорбленнымъ».

3) Замѣчательною поминкой почтила сороковую годовщину смерти Шевченка газета «Вѣстникъ казачьихъ войскъ» издавши, въ качествѣ иллюстрированнаго прибавленія къ газетѣ, цѣлую книжку въ 64 стр. «Т. Г. Шевченко, гѣвонецъ Украины и Запорожья. Очеркъ Вл. П. Кранихфельда». Книжечка снабжена прекраснымъ портретомъ и восьмью плохенькими иллюстраціями въ текствѣ. Между этими иллюстраціями есть предлюбопытный рисунокъ «Т. Г. Шевченко-солдатъ», изображающій поэта въ полной солдатской формѣ, съ аммуницией и ружьемъ въ рукѣ, продѣлывающимъ «муштру» тихаго учебного шага...

Нѣмецкая фамилія автора этой превосходной книжечки, которой нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія въ той средѣ, для которой издается «Вѣстникъ казачьихъ войскъ», какъ-то невольно заставляетъ вспомнить слова Шевченка, обращенныя къ землякамъ-славянофиламъ, «которые вси мовы Славянського люду, вси знаете, а свои—дасть Бигъ... Колысь будемъ и по своему глаголатъ, якъ німець покаже, а до того й исторію намъ нану роскаже».

Да, г. Кранихфельдъ рассказалъ намъ жизнь поэта и его произведенія, какъ до сихъ поръ никто въ общедоступномъ изложеніи, въ популярной книжкѣ не рассказывалъ. Стыдно стѣять за тѣхъ повѣствователей, которые въ книженкахъ для дѣтей и для народа рассказываютъ о томъ, какъ поэтъ «поступилъ въ военную службу», да какъ «оставилъ военную службу»... Пусть же краснѣютъ эти сентиментальные повѣствователи, читая книжку г. Кранихфельда, написанную просто, но... честно. Да, это воистину честная рѣчь, проникнутая благороднымъ чувствомъ.

Коснувшись лишь немногихъ важнѣйшихъ произведеній Шевченка, указавъ на главнѣйшіе мотивы его поэзіи, г. Кранихфельдъ очень далеко отъ того, чтобы его очеркъ «могъ дать сколько нибудь удовлетворительное представленіе о произведеніяхъ великаго украинскаго поэта». Тѣмъ не менѣе, этотъ очеркъ даетъ понятіе о томъ, *существенномъ*, что должно знать о жизни и произведеніяхъ Шевченка каждому грамотному земляку поэта. — Авторъ полагаетъ, что «характеризовать произведенія писателя, разбирать ихъ—значитъ отвлечь ихъ содержаніе отъ формы. А въ томъ то и заключается оригинальная сила поэтическаго дарованія Шевченка, въ томъ то и счастье для читателя и несчастье для критики, что содержаніе его стиховъ и ихъ форма слиты такой прочной спайкой, разрушить которую невозможно.

Пѣсія Шевченка—это живое трепетаніе его сердца. Выньте изъ груди сердце, чтобы изучить его трепеть, оно перестанетъ жить, перестанетъ биться. Остается одно: самому приложить руку къ груди поэта, остается самому читателю взять въ руки «Кобзаря» и тогда только (читая его) можно ясно почувствовать, какое тамъ пламенное, какое благородное сердце бьется любовью къ Украинѣ.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь отрывокъ изъ заключительной главы этой «казачьей» книжечки симпатичнаго автора съ нѣмецкой фамиліей:

«Изъ Шевченка родные его пытались сдѣлать пахара—«гречкосія» и па-стуха; помѣщикъ Энгельгардтъ вмѣстѣ со своею челядью предназначилъ ему карьеру повара, а затѣмъ и «козачка»—лакея: «мочеморды» полтавскіе какъ потомъ и ново-петровскіе, не прочь были превратить его въ пьяницу: изъ него въ теченіе десяти лѣтъ старались выкромить усерднаго служаку-фронтовика; наконецъ, вся печальная обстановка, въ которой онъ прожилъ съ дѣтства до могилы, какъ будто бы специально принаровлена была къ тому, чтобы сломить, принизить его. Но Шевченко мужественно прошелъ черезъ всѣ тяжелыя испытанія; всю жизнь свою, даже съ цѣпями раба на ногахъ, онъ былъ и до послѣдняго момента оставался живымъ, самостоятельнымъ, свободнымъ человекомъ, который во всѣхъ своихъ страданіяхъ сохранялъ самую нѣжную, дѣятельную любовь къ дорогой Украинѣ. Ей, Украинѣ, онъ принесъ въ жертву всю свою жизнь, ей отдалъ все свои помыслы и ей же завѣщать своихъ «дитокъ неразумныхъ», свою до поразительной простоты правдивую поэзію. До крайности стуживая свои личныя потребности и желанія, онъ широко раскрылъ сердце свое и мысль свою интересамъ и нуждамъ своей родины. И странно, какъ ни ограничены были потребности его личной жизни, они тѣмъ не менѣе всегда оставались не удовлетворенными и часто даже сдвоенными, безъ всякой возможности какъ бы то нибыло проявить и обнаружить ихъ: здѣсь неудачи и несчастья безжалостно и систематически преслѣдовали его. И въ то же время въ полетѣ своихъ общественныхъ начинаній, въ полетѣ орлиномъ, онъ всегда былъ безконечно удачливъ. До него мысль объ украинской литературѣ даже лучшимъ людямъ Россіи казалась смѣшной претензіей,— и только. И вотъ, пренебрегая этимъ, Шевченко заговорилъ на родномъ языкѣ и силою своего громаднаго дарованія заставить вслушиваться въ свою рѣчь и наслаждаться музыкой этой рѣчи даже тѣхъ, кто самъ не умѣлъ владѣть ею. Да что языкъ? Еще удивительнѣе было то, что вмѣстѣ съ языкомъ онъ заставилъ насъ полюбить и народъ, о которомъ до Шевченка никто еще не умѣлъ говорить такъ просто, такъ задушевно, такъ сильно. И если на великорусскихъ людей Шевченко своимъ стихомъ дѣйствовать съ потрясающей силой, то на родинѣ онъ творилъ чудеса: тамъ онъ разрушилъ перегородки, отдѣляющія человека образованнаго, культурнаго, отъ массы населенія и создалъ поэзію, одинаково дорожую для всей Украины, какъ бы высоко ни поднимался онъ въ сферу общечеловѣческихъ идеаловъ.

Онъ понятенъ каждому, потому что онъ излагаетъ не мысль свою, кото-

рая можетъ быть очень далека отъ голоса чувства и нерѣдко нуждается по этому для своего выраженія въ изысканно-искусственной формѣ. Рѣчь Шевченка—это непосредственный отзвукъ сильно бьющагося сердца, и, какъ стонъ, какъ вздохъ, она правдива и общепонятна. Шевченко не разсуждалъ теоретически о братоубійственной распрѣ, вписавшей въ исторію славянства столько кровавыхъ страницъ; онъ пережилъ и перечувствовалъ ее, и не въ отвлеченныхъ терминахъ ученаго поэтому говоритъ о ней, а болѣзненнымъ стономъ вырывается изъ груди его мольба, «чтобъ житомъ и пшеницею, какъ золотомъ, покрытая, неразмежованной осталась бы на вѣки отъ моря до моря славянская земля».

4) «Биржевыя Вѣдомости» ограничили свою поминку помѣщеніемъ въ приложеніи нѣсколькихъ рисунковъ Т. Г. Шевченка.

5) Въ Москвѣ поминулъ Шевченка «Курьеръ» статьей Л. Медвѣдева и стихотвореніемъ «На могилѣ Шевченка» В. Гиляровскаго.

Л. Медвѣдевъ въ началѣ своего біографическаго очерка указываетъ на то, какъ былъ встрѣченъ въ 1840 г. «Кобзарь» русскою журнальною критикою и какъ затѣмъ въ началѣ 60-тыхъ годовъ оцѣнили поэзію Шевченка даровитѣйшіи изъ русскихъ критиковъ Добролюбовъ. Въ краткомъ обзорѣ многострадальной жизни поэта авторъ подчеркиваетъ особенно то обстоятельство, что «поэтъ не забываетъ никогда, ни на одну секунду своей жизни не забываетъ, что тамъ, за его плечами, остается рабская, безправная, многомилліонная масса «мужиковъ» и въ ихъ числѣ все родичи поэта. И надежда на то, что когда нибудь наступитъ общій день освобожденія — лучшая изъ его надеждъ. Быть можетъ, она только одна и хранить его».

Упомянувъ затѣмъ о поломничествѣ къ могилѣ Шевченка, которое совершаютъ не одни его земляки, авторъ говоритъ: «И «москальи», которые теперь поняли и оцѣнили его, считаютъ его въ числѣ великихъ писателей русской земли. Необычайно тепло и поэтически увлекательно описалъ свою поѣздку на могилу «батяка Тараса» одинъ изъ русскихъ бытописателей и печальниковъ, горя народнаго—Н. И. Златовратскій». Въ заключеніи же статьи читаемъ: «Въ послѣднее время возникли слухи о томъ, что Шевченку собираются поставить памятникъ. Если эти слухи осуществятся, то конечно, — въ добрый часъ! Шевченко одинъ изъ великихъ сыновъ Россіи и, хотъ писать онъ по малорусски, но постановка памятника такому гениальному поэту является, конечно, общерусскимъ дѣломъ».

6) Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» посвящено памяти Шевченка два фельетона г. Веденѣва, представляющіе довольно обстоятельный біографическій очеркъ. Въ началѣ его авторъ, упоминая, что далеко не все сочиненія Шевченка у насъ напечатаны, говоритъ:

«Но какъ въ напечатанныхъ сочиненіяхъ Шевченка характеръ и значеніе его поэзіи, ее общее направленіе достаточно ясны, такъ то же надо сказать и о матеріалахъ для его біографіи. Друзья и почитатели поэта не могутъ на этотъ разъ нести упрекъ, что они «лѣнны и нелюбопытны»: давно уже внимательно собираются и публикуются различные документы, касающіеся Шевченка, его письма и письма къ нему, рассказы и воспоминанія о немъ разныхъ лицъ въ разные періоды его жизни и пр. «Кіевская Старина», существующая уже двадцатый годъ, постоянно даетъ много матеріаловъ о Шевченкѣ къ годовициѣ его смерти, т. е. въ февральской книжкѣ, а нерѣдко сообщаетъ ихъ и въ другихъ нумерахъ; документы и рассказы, касающіеся Шевченка, кромѣ того печатались и печатаются какъ въ историческихъ, такъ и въ общихъ журналахъ и даже въ газетахъ. Относительно количества, полноты и систематичности матеріаловъ біографъ Шевченка поставленъ въ положеніе очень благоприятное: вся послѣдовательность важнѣйшихъ событій въ жизни Шевченка, можетъ быть установлена, могутъ быть выяснены вліянія, подъ которыми находился поэтъ, настроеніе, какое имъ владѣло въ разные періоды, и пр. Конечно, нельзя сказать, что теперь извѣстны и опуб-

ликованы все матеріалы для біографіи Шевченка, какъ нельзя сказать, что и все подробности этой біографіи установлены, но въ общемъ біографъ все-таки располагаетъ данными, не только достаточными, но даже богатыми».

Въ своемъ прекрасномъ біографическомъ очеркѣ г. Веденѣвъ, пользуясь всеми позднѣйшими матеріалами, касающимися жизни поэта въ ссылкѣ, особое вниманіе обратилъ на значеніе перевода Шевченка изъ Оренбурга въ Ново-Петровское укрѣпленіе.

Переводъ этотъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ въ сентябрѣ 1850 г. послѣ почти пятилѣтняго содержанія поэта въ заключеніи въ казематѣ Орской крѣпости за то, что онъ рисовалъ, и рисовать не только съ вѣдома, но прямо съ оффиціальнаго разрѣшенія своего начальства, даже по его предписанію. А какія муки для художника представляло изъ себя это запрещеніе рисовать, видно хотя бы изъ письма его къ княжѣ Репниной: «Мнѣ строжайше запрещено рисовать что бы то ни было и писать (окромѣ писемъ), а здѣсь такъ много новаго; киргизы такъ живописны; такъ оригинальны и наивны, сами просятся подъ карандашъ, и я одурѣваю, когда смотрю на нихъ... Если бы мнѣ можно было рисовать, сколько бы я прислалъ вамъ новыхъ и оригинальныхъ рисунковъ. Но что дѣлать! А смотрѣть и не рисовать — это такая мука, которую можетъ только истинный художникъ». И г. Веденѣвъ совершенно справедливо говоритъ, что въ Ново-Петровскомъ «и самое мѣсто ссылки, и вся обстановка, и надзоръ за ссыльнымъ поэтомъ-художникомъ, все было хуже, гижелѣе.» Въ теченіи семи лѣтъ, проведенныхъ имъ здѣсь, «онъ потерялъ здоровье, здѣсь началъ угасать, слабѣть его талантъ, такъ какъ послѣ доноса и ареста Шевченку и думать было нечего о рисованіи».

Въ очеркѣ г. Веденѣва находимъ, между прочимъ, свѣдѣніе о происхожденіи напечатаннаго въ львовской «Зарѣ» стихотворенія Некрасова на смерть Шевченка. «Въ толпѣ литераторовъ, собравшихся ко гробу Шевченка, находился и Некрасовъ. Когда онъ шелъ за гробомъ многострадальнаго кобзаря, у него сложились стихи въ его память. Вернувшись домой, Некрасовъ записалъ эти стихи, но изъ осторожности, — время было такое, — онъ разорвалъ листокъ сверху внизъ, такъ что стихи были раздѣлены пополамъ. Поэтъ уничтожилъ правую половину листка съ началомъ стиховъ, а сохранилъ у себя лѣвую съ рифмами. Уже незадолго до своей кончины Некрасовъ вспомнилъ объ этомъ стихотвореніи и возстановилъ текстъ его, причѣмъ разсказалъ исторію стихотворенія П. А. Ефремову, отъ котораго ее и слышалъ пишущій эти строки. Вотъ отрывокъ изъ этого стихотворенія:

« молодость трудная,
Полная страсти, надежды, увлеченія,
Смѣлая рѣчи, борьба безразсудная,
Велѣдъ затѣмъ долгіе дни заключенія...
Все онъ извѣдалъ: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы
Все: и раздольную степь Оренбургскую
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, въ невѣдѣнности
Жить, оскорбляемый всякимъ невѣждою».

Но вотъ — «кончилось время его несчастливое, — все, чего съ юности ранней не видывалъ, милее сердцу его улыбалось, тутъ ему рокъ позавидовалъ — жизнь оборвалась!»

Въ заключеніе своего исключительно біографическаго очерка авторъ говоритъ, что цѣлью его было лишь «показать взаимную связь и вліяніе, соединяющія Шевченка со всей русской жизнью его времени. Мы видимъ, отъ какихъ условий этой жизни страдалъ поэтъ, видимъ, противъ чего онъ боролся, видимъ, подъ вліяніемъ чего создалось развитіе даровитаго юноши, вырвавшася изъ крѣпостной среды, видимъ, какъ онъ связанъ и своимъ

развитіемъ, и своею дѣятельностью съ однимъ изъ основныхъ направленій русской общественной мысли и жизни».

Ограничивши свою поминку поэта исключительно биографіей его, г. Веденѣвъ относительно значенія поэта высказывается лишь вскользь такимъ образомъ:

«По своимъ завѣтнымъ стремленіямъ, выразившимся и въ произведеніяхъ, и въ жизни, украинскій поэтъ принадлежалъ къ одному изъ основныхъ направленій русской общественной мысли. Воспитывавшійся и развивавшійся подъ влияніемъ этой мысли, Шевченко былъ убѣжденнымъ выразителемъ ея въ своихъ произведеніяхъ. Какъ стремленія, которыя проникаютъ произведенія Шевченка, такъ и самая его жизнь связываютъ его съ основнымъ теченіемъ русской жизни, а его соприсчисляютъ къ выдающимся работникамъ, трудившимся въ пользу распространенія освободительныхъ идей».

И чѣмъ больше людей приобщается къ тѣмъ высокимъ культурнымъ идеаламъ, которымъ служилъ Шевченко, тѣмъ болѣе растетъ его значеніе, тѣмъ имя его становится ближе и дороже человѣческому сердцу.

7) Поянулъ въ Москвѣ Шевченка и «Русскій Листокъ», посвятивъ его памяти 26-го февраля, въ № 55, особую «литературную бесѣду». Вся она, впрочемъ, исчерпывается соответствующими выдержками изъ Добролюбова и Костомарова. Коротенькая биографія заканчивается указаніемъ на сложившіяся въ простомъ народѣ легенды о Шевченкѣ.

И братъ — «сермяжный людъ» — окружилъ легендой имя дяди Тараса. И теперь еще Т. Г. рисуется доброй половиной родной Украины Морозенкомъ, Палиемъ, Нечаемъ, — словомъ, героемъ, великимъ борцомъ, протестующимъ за угнетаемаго, бѣдствующаго крестьянина.

Ш.

Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что изъ всѣхъ провинціальныхъ университетскихъ городовъ только въ одномъ Кіевѣ періодическая печать (три газеты) игнорировала 40-лѣтіе со дня смерти Т. Г. Шевченка, не почтивъ его ни единымъ словомъ; а самый далекій отъ родины поэта университетскій городъ Сибири Томскъ отмѣтилъ эту годовщину въ своей печати достаточно ярко и выразительно; да и въ общественной жизни г. Томска чествованіе памяти украинскаго поэта оказалось наиболее выразительнымъ, ознаменовавшись особымъ вечеромъ съ рѣчами двухъ профессоровъ.

8) «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» только на третій день «роковинъ» 28 февраля (№ 54) помѣстили небольшую статейку «памяти Т. Г. Шевченка», высказавшись о значеніи поэта словами г. Веденѣва, изъ статьи котораго и взяты вышеприведенныя наши строки, и отъ себя подчеркнуть главнымъ образомъ не исключительно малорусское значеніе поэта. «Отрадно думать, говоритъ газета, что поэтъ почилъ съ сознаніемъ, что надъ родиной его, столь горячо имъ любимой, взошла, наконецъ, новая свободная зари и что въ этомъ сознаніи многострадальный поэтъ нашель, хотя передъ смертию, успокоеніе».

Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, многое въ жизни русской измѣнилось, явились новые идеалы, новыя стремленія; но имя Шевченка творца «Кобзаря», не утратило своего значенія; напротивъ, оно лишь получаетъ болѣе широкое признаніе и изъ исключительно малорусскаго становится общеславянскимъ. Такова отрадная участь всѣхъ большихъ талантовъ, всѣхъ гениальныхъ людей, они перестаютъ быть исключительнымъ достояніемъ того народа, среди котораго родились, и постепенно становятся дороги всему культурному міру».

9) «Орловскій Вѣстникъ» посвятилъ 26 февраля памяти Т. Г. Шевченка небольшое стихотвореніе Ѳ. Чеботарева и статейку М. Лемке, въ которой авторъ, резюмировавъ сказанное А. Ефименко въ «Журналѣ для всѣхъ» о значеніи поэзіи Шевченка, говоритъ въ заключеніе:

«Достаточно посмотрѣть на каждаго малоросса въ то время, когда онъ декламируетъ своего Шевченка — а они всегда его декламируютъ и всѣ считаютъ его именно

своимъ, близкимъ, роднымъ, дорогимъ — чтобы понять, что слава Тараса Григорьевича сложилась очень прочно. Посмотрите, какъ горятъ глаза у этого декламатора, какъ на его до той минуты пасмурные глаза набѣгаютъ слезы, какъ онъ весь, всѣми своими нервами приходитъ въ движеніе, какъ онъ много чувствуетъ въ это время!.. И честь и слава малороссамъ за эту любовь! Мы, великороссы, такъ не умѣемъ любить своихъ лучшихъ поэтовъ и, читая Пушкина — отна нашей богатѣйшей поэзіи, не обнаруживаемъ и половины тѣхъ чувствъ... Впрочемъ, мы по природѣ болѣе холодны...»

10) Изъ всѣхъ сѣверныхъ газетъ, какія мы имѣли возможность пересмотрѣть, едва ли не самую яркую поминку Шевченка далъ «Сѣверный Край», издающійся въ Ярославлѣ (№ 52), помѣстившій въ фельетонѣ прекрасное стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Гдѣ небо сходитъ съ землею?», въ которомъ представленъ дѣйствительный случай изъ жизни Шевченка, и статью Вас. Смирнова. Последняя начинается указаніемъ на народность поэзіи Шевченка.

«Изъ среды простого народа или, какъ принято теперь выражаться, «со дня жизни» вышло не мало людей, которые, благодаря своимъ природнымъ способностямъ и дарованіямъ, стали на ряду съ лучшими представителями художественнаго творчества. Но не всѣ изъ нихъ сохраняли живую связь съ братьями по крови, не всѣ являлись выразителями думъ и чувствъ народа, когда судьба выдвигала ихъ изъ родной среды. Большинство подъ влияніемъ новыхъ условій жизни и новыхъ людей невольно заражалось, если можно такъ выразиться, буржуазнымъ духомъ и усваивало себѣ взгляды на народъ болѣе обеспеченныхъ классовъ. Это обстоятельство несомнѣнно отразилось и на ихъ творчествѣ. Последнее уже не могло быть непосредственнымъ выраженіемъ народной души, потому что, проходя сквозь призму буржуазнаго міросозерцанія, получало другую окраску».

Совершенно иное явленіе представляетъ изъ себя украинскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко».

Дальше слѣдуетъ цитата изъ Добролюбова, указавшаго на разницу между Кольцовымъ и Шевченкомъ, и изъ Костомарова — о значеніи Шевченка, какъ поэта народнаго. Въ заключеніе своего прекраснаго очерка жизни и дѣятельности поэта авторъ говоритъ:

«Можно только удивляться, какъ смогъ этотъ человѣкъ до конца дней своихъ сохранить юношескую бодрость мысли, какъ сумѣлъ онъ сберечь въ своемъ сердцѣ все то, за что мы называемъ его великимъ славянскимъ поэтомъ и вождемъ своего народа по пути свободы и просвѣщенія. Но, чѣмъ темнѣе, чѣмъ безкорыстнѣе была жизнь поэта, чѣмъ больше ставила она ему препятствій на пути къ достиженію своихъ цѣлей, чѣмъ труднѣе ему было бороться съ этими препятствіями, тѣмъ цѣннѣе его поэзія, тѣмъ чище и выше его нравственный обликъ, тѣмъ дороже долженъ онъ быть для людей, «въ груди которыхъ — по выраженію Пругавина, — бьется честное сердце, а въ мозгу работаетъ честная мысль»».

11) Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» 26-го февраля, № 55, находимъ фельетонъ Ч. Вѣтринскаго «Памяти Т. Г. Шевченка» съ эпитафией:

Нужны намъ великія могилы,

Если нѣтъ величія въ живыхъ...

Авторъ указываетъ на сложившіяся уже въ народѣ легенды, связывающія имя Шевченка съ освобожденіемъ крестьянъ, а затѣмъ приводитъ большую выдержку изъ воспоминанія Н. Златовратскаго о поѣздкѣ его на могилу поэта. Сказавъ, что «и въ оригиналѣ, и въ многочисленныхъ переводахъ Шевченко пользуется одинаковою симпатіей читателей», авторъ затѣмъ говоритъ:

«Но, вѣроятно, только украинцамъ вполне доступно то обаяніе основныхъ чертъ поэзіи Шевченка, которое создало своеобразный трогательный культъ его памяти. Эти черты — неистощимая органическая симпатія поэта къ Украинѣ со всѣми ея природными и бытовыми особенностями, къ ея поэтическимъ преданіямъ, мечтамъ и воспоминаніямъ о громкой казацкой славі, чарующая мягкость поэтическаго творчества, граничащая на взглядъ великоросса съ сентиментальностью, но какъ нельзя болѣе соответствующая характеру малоросса, выразившемуся въ его богатой безыскусственной лиричѣ. Съ этою

безыскусственную народную поэзію слито и поэтическое творчество Шевченка, который по натурѣ и печальной судьбѣ дѣтства и юности—плоть отъ плоти, кровь отъ крови украинскаго хлопа, приниженаго, изстрадавшагося, но не раздавленнаго рабствомъ, сохранившаго въ себѣ свято все лучшія человѣческія черты.

Но Шевченку удалось стать выше исключительно малорусской народности, удалось подняться, не теряя связи съ народностью, до общечеловѣческаго значенія. Его «Наймчыка», напр., произведение удивительное по простотѣ и исполненію художественнаго замысла, можетъ быть признана одинаково, безъ различія народностей, всеѣмъ понятнымъ и чарующимъ апофеозомъ безграничной материнской любви, тѣмъ болѣе величественной, чѣмъ ниже, бѣднѣе и скромнѣе сфера ея проявленія.

«Къ воплощѣ общечеловѣческой области принадлежатъ и тѣ главныя идеи Шевченка, которыя сдѣлали его всеславянскимъ поэтомъ, извѣстнымъ за границею во многихъ своихъ произведеніяхъ лучше, чѣмъ въ Россіи».

Указавъ на тѣ идеалы, которые имѣлъ въ виду Шевченко, какъ членъ Кирилло-Меодіевскаго кружка, имѣвшаго во главѣ своей Костомарова, авторъ въ заключеніе говоритъ:

«За двумя тремя частностями, все это идеалы, имѣющіе непреходящее значеніе, и они то болѣе всего одухотворили кровное влеченіе, тяготѣніе поэта къ Украйнѣ и ея загнанному крѣпостнымъ игомъ народу. Выше, чѣмъ обыкновеннымъ провинціальнымъ поэтомъ народно-сентиментальной школы, Шевченка сдѣлала эта всечеловѣческая жажда справедливости, вылившаяся между прочимъ въ одномъ изъ его предсмертныхъ набросковъ:

И день иде, и ничь иде...

И, голову снопившы въ руки,

Дывуешься—чому не иде

Апостоль правды и науки?!

12. 13) Въ другой нижегородской газетѣ „Волгарь“ по случаю „роковинъ“ Шевченка г. Оникѣ помѣстилъ фельетонъ, въ которомъ описано пребываніе поэта на Волгѣ. Изъ этого фельетона довольно значительный отрывокъ, касающійся г. Астрахани, перепечатанъ 2-го марта въ „Астраханскомъ Листѣ“ № 3523.

14) „Саратовскій Дневникъ“ въ № 44 наканунѣ 40-й годовщины смерти Шевченка помѣстилъ большую статью Ан. Герасимова подъ заглавіемъ „Многострадальный поэтъ“, въ которой довольно обстоятельно переданы существенныя черты жизни Шевченка, а словами Добролюбова и Костомарова указано значеніе его поэзіи.

„Рассказать о жизни Т. Г. Шевченка, — такъ начинается авторъ свой очеркъ, — это значитъ рассказать одну изъ тяжелыхъ надрывающихъ душу повѣстей изъ той мрачной, безпроевѣтной эпохи русской жизни, имя которой — крѣпостное право.

Еще недавно мы чествовали сорокалѣтніе дня, когда это страшное «право» сгнуло навѣкъ съ лица русской земли, еще на-дняхъ мы воскресили въ памяти тотъ произволь, тѣ жестокости и насилія надъ безправной личностью, которыя были такъ обычны въ тѣ печальные дни.

Во-кое разумное существо, всякій человѣкъ, имѣвшій несчастіе родиться не привилегированнымъ, а «крѣпостнымъ», со дня рожденія осуждался на тысячу жестокостей, оскорбленій, страданій.

Представьте же себѣ что жертвой барской власти и барскихъ прихотей является человѣкъ высоко-одаренный, человѣкъ съ чуткой, впечатлительной душой и богато развитой фантазіей, человѣкъ-поэтъ, человѣкъ-художникъ; представьте себѣ, что этотъ «избранный Неба» не способенъ быть мириться съ окружающимъ произволомъ, невѣжествомъ и насиліемъ и своимъ горячимъ словомъ и вдохновеннымъ стихомъ карать, не смотря ни на что, окружавшее его зло и терпѣть за это суровыя и злобныя гоненія; представьте себѣ все это — и передъ вами будетъ основа той ужасной драмы, которую

является жизнь крѣпостнаго поэта-художника Шевченка. Вспомнимъ же, читатели, хоть бѣгло эту печальную повѣсть — жизнь крѣпостнаго поэта, день сорокалѣтня смерти котораго истекаетъ завтра.»

Представивъ затѣмъ въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ біографію поэта, авторъ, сопоставивъ его поэзію съ поэзіей современныхъ ему русскихъ поэтовъ, говоритъ въ заключеніе:

«И мы знаемъ, что поэзію Шевченка малорусскій народъ знаетъ гораздо больше, чѣмъ нашъ народъ Пушкина и Некрасова.

Пусть же раздаются эти вѣщи, дивныя пѣсни малорусскаго кобзаря «батька Тараса», буда въ насъ сочувственное воспоминаніе о грустной долѣ народнаго поэта и пробуждая благодареніе и благодарность къ памяти того, кто всей своей жизнью и поэзіей боролся съ минушимъ, но тогда могучимъ зломъ крѣпостничества и его «чадами» — произволомъ и несправдой. Вѣчная память великому поэту и человѣку!»

15) Поминула въ Саратовѣ Шевченка и другая мѣстная газета «Саратовскій Листокъ», помѣстивъ въ № 45 статью П. Я. «Памяти пѣвца Украйны» и начавъ ее такъ:

«Вѣковыя цепи рабства пали 19 февраля 1861 г. Свободная Русь могла вздохнуть широкой грудью, призванная къ новой, невѣдомой еще ей, свободной жизни. Глубокой радостью и восторгомъ встрѣтили великую реформу все лучшіе люди Россіи, неутомимо борившіеся противъ постыднаго рабства миллионѣвъ.

Но не всеѣмъ дано было извѣдать эту радость: пали вѣковыя цѣпи, но уже не могъ увидѣть этого одинъ изъ страстныхъ ненавистниковъ крѣпостнаго права, самъ извѣдавшій всю горечь и тяжесть его, неутомимый, энергичный борецъ за свободу, «пѣвецъ скорби и правды», пѣвецъ Украйны — Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Онъ пережилъ великое событіе, давшее Россіи миллионы новыхъ свободныхъ гражданъ, пережилъ на шесть дней, но умеръ не зная, не вѣдая, что обширная Россія, а вмѣстѣ съ ней и нѣжно любимая имъ Украйна — свободныя.

А какъ онъ призывалъ эту свободу, какъ страстно ждалъ ея, какъ неутомимо боролся за нее!

Да, тяжело, ужасно сложилась жизнь славнѣйшаго изъ сыновъ свободолюбивой Украйны, сдѣлавшагося, благодаря исключительно природнымъ способностямъ, извѣстнымъ, «какъ великій поэтъ въ славянскомъ мірѣ, какъ свѣточъ и вождь своего народа на пути свободы, просвѣщенія и вообще нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія».

Въ заключеніе краткаго очерка жизни поэта авторъ, употребляя въ нѣсколько неясномъ значеніи слово „славяне“, посылаетъ одинъ укоръ землякамъ поэта.

«Братья славяне», говоритъ онъ, (заключая это слово въ кавычки), — окружили имя страдальца-поэта неувыдаемымъ ореоломъ, соорудили надъ его могилой (на берегу Дѣбпра близъ Каиена) великолѣпный памятникъ, учредили въ его честь и память нѣсколько Обществъ, но... есть одно пятнышко, котораго они не смыли съ своей совѣсти до сего времени. Пятнышко это, а то и большое пятно — полное равнодушіе къ судьбѣ родственниковъ Тараса Григорьевича.

Еще недавно газеты опубликовали по этому поводу печальный для об-ва фактъ: въ 1898 г. родной племянникъ Т. Г. Андрей нанялся сторожемъ въ портъ Харлы, а сыншкѣ своего Митрофана отдалъ въ ученіе въ слесарную мастерскую въ имѣніе «Преображенка» г-жи Фальцъ-Фейнъ. Въ мастерской мальчику оторвало руку и ее пришлось ампутировать до плеча. Съ тѣхъ поръ Андрей совершенно выбитъ изъ колеи: онъ вынужденъ возиться съ калѣкой-ребенкомъ, терпѣть холодъ, голодъ и все лишенія заброшенной жизни...»

Фактъ этотъ дѣйствительно былъ заявленъ своевременно въ „Одесскихъ Новостяхъ“ и вызвалъ вниманіе земляковъ, оказавшихъ соответствующую помощь. Въ общемъ же укоръ П. Я., если его относить исключительно къ землякамъ поэта, а не къ какимъ то „братьямъ-славянамъ“, едва ли можно признать справедливымъ.

16) Издающаяся въ Ростовѣ на-Дону газета «Донская Рѣчь» въ № 53, февраля 26-го, помѣстила портретъ Т. Г. Шевченка и обширную статью Ф. Зѣвиченко, въ которой краткія біографическія свѣдѣнія связываютъ цѣлый рядъ хорошо подобранныхъ стиховъ изъ произведеній Шевченка, выражающихъ всѣ скорби, мысли и чувства, пережитыя имъ съ ранняго дѣтства и до кончины. «Сами пѣсни,—говоритъ авторъ,—съ неподражаемой яркостью рисуютъ и свѣтлый образъ пѣвца и прозрачную глубину его чистой, нѣжной, любящей души». Въ заключеніе-же своей статьи авторъ говоритъ: „Заповитъ“ свято исполнить украинцами и къ могилѣ поэта „не заростетъ народная тропа“. Но исполнять ли когда нибудь его поклонники то завѣщаніе, которое Тарасъ Григорьевичъ вложилъ въ каждый стихъ своего „Кобзаря“ — „безграничную любовь къ родинѣ и къ ея многострадальнымъ сынамъ-гречкосіямъ?“

17) Екатеринославская газета „Придѣпровскій Край“ посвятила 26-го февраля передовую статью памяти Шевченка и въ ней приглашала своихъ читателей почтить память поэта учрежденіемъ екатеринославской стипендіи его имени въ „Обществѣ имени Т. Г. Шевченка“. Сообщивъ свѣдѣнія объ этомъ „Обществѣ“ и познакомивъ съ цѣлями его, газета говоритъ:

«Нельзя не сочувствовать цѣлямъ этого общества, во имя великаго поэта взяшаго на себя попеченіе о его нуждающихся землякахъ, ищущихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы удовольствія высшихъ своихъ стремленій къ знаніямъ. Можно, конечно, надѣяться, что эти земляки, о нуждахъ которыхъ будетъ пеѣщисъ общество имени поэта, примутъ близко къ сердцу и тѣ завѣты поэта, съ которыми онъ въ свое время обращался къ землякамъ:

Учитесь, братья мои,
Учитесь, читайте,
И чужому научайтесь
И своего не цурайтесь:
Бо кто матирь забувае,
Того Богъ карае,
Чужи люде цураются,
Въ хату не пускають;
Свой диты—мовъ чужій,
И немае злomu
На всій земли безконешній
Веселого дому.

А близко узнавши «батька», все великое значеніе родного народнаго поэта, устами котораго какъ бы заговорилъ самъ украинскій народъ, добрыя дѣти Украины, вернувшись на родину, своею общественной службою, всею своею жизнью смогутъ горячо откликнуться на его призывъ:

Обнимите-жъ, братья мои,
Найменьшого брата,—
Нехай маты усмихнеця,
Заплакана маты...

А этотъ «наименьшій братъ» эта родина мать такъ нуждается въ добрыхъ сынехъ разумнаго, вѣчнаго... И—«за науку буде Материна добра плата».

И нашего, вѣдь, юношества изъ придѣпровскаго края не мало въ столицѣ, и много между ними «нуждающихся». Кому же имъ и помогать, какъ не землякамъ?

18) Съ подобнаго же рода воззваніемъ къ своимъ читателямъ обратилась и житомирская газета «Вольныя» въ передовой статьѣ своей 26 февраля, посвященной памяти Шевченка.

«Напоминаемъ нашимъ читателямъ,—говоритъ почтенная газета юго-западнаго Края,—что и у васъ въ Россіи функционируетъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ въ Петербургѣ утвержденное правительствомъ въ концѣ 1898 года «общество имени Т. Г. Шевченка для вспомошествованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга». Хотя это общество преслѣдуетъ исклю-

чительно благотворительную цѣль «попеченія о недостаточныхъ учащихся»—уроженцахъ южной Россіи, но уже одно великое имя патрона, принятое «обществомъ», должно не только привлечь матеріальную помощь всего южно-русскаго общества своимъ землякамъ, своему молодому поколѣнію, учащемуся въ столицѣ, но несомнѣнно должно направить мысль и самого этого поколѣнія достойно почтить память того, чьимъ именемъ названо «общество»... Это поколѣніе, надо думать, ближе къ сердцу приметъ завѣтъ роднаго поэта, переданный хотя-бы въ его извѣстномъ стихотвореніи «До мертвыхъ и живыхъ и ненарожденныхъ землякивъ моихъ, въ Украинѣ и не въ Украинѣ сущихъ, мое дружне посланіе»:

Учитесь, братья мои!
Думайте, читайте,
И чужому научайтесь,
И своего не цурайтесь...
Обнимите жъ, братья мои,
Найменьшого брата,—
Нехай маты усмихнеця,
Заплакана маты!

Пусть-же хоть широкій приливъ пожертвованій въ упомянутое «Общество» докажетъ наше уваженіе къ памяти Т. Г. Шевченка.

Быть можетъ изъ среды воспитанныхъ этимъ «обществомъ» юношей выйдутъ во истину «батьковѣ диты» и съ большею энергіею, чѣмъ это дѣлалось въ истекшія сорокъ лѣтъ, примутся «орать твою ныву», какую завѣщаль «батько», съявшій на ней свои слезы въ надеждѣ, что они «зйдуть и ростымуть», что въ концѣ-концовъ—«встане правда, встане воля».

Напоминаемъ нашимъ читателямъ и о другомъ петербургскомъ обществѣ, уставъ котораго утверждень въ томъ же 1898 г. и которое проявило уже свою дѣятельность нѣсколькими весьма полезными изданіями на украинскомъ языкѣ,—такъ наз. «благотворительномъ обществѣ изданія общепользныхъ книгъ», которое постановило своею цѣлью, какъ гласитъ § 1-й устава, «прити на помощь религіозно-нравственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа».

Дѣйствительными членами общества состоятъ, по § 6, «лица, вносяція въ кассу общества ежегодно не менѣе трехъ рублей». Энергическою поддержкою и этого общества истинные почитатели Шевченка могли бы почтить его память, увеличивъ средства, при которыхъ только и возможно широкое распространеніе «роднаго слова», а слѣдовательно и осуществленіе надеждъ поэта, выраженныхъ имъ въ чудномъ стихотвореніи «Радуйся, ныво непопытая!» («Кобзарь» изд. «Кіев. Стар.» 1899 года, стр. 533).

Только вѣдь при дружномъ усиліи всѣхъ просвѣщенныхъ украинцевъ, поддержкою хотя-бы упомянутыхъ «обществъ»,

Прорветця слово, якъ вода,
И дѣбрь-пустыня непопытая,
Сцилющою водою вмыта,
Прокынется...

Въ часъ-же добрый!...

А на другой день 27 февраля въ № 46 та-же «Вольныя» посвятила и другую передовую статью „Памяти Т. Г. Шевченка“, въ которой редація останавливаетъ вниманіе читателя на совпаденіи сороковой годовщины смерти великаго поэта—«крипака», всю свою недолгую жизнь боровагося съ ужаснымъ бичемъ—крѣпостничествомъ, съ сороковой же годовщиной смерти... рабовладѣнія въ Россіи“, и по этому поводу останавливается надъ тою особой стороною произведеній Шевченка, по которой они имѣютъ значеніе, какъ „необычайно сильная, могучая и пылкая проповѣдь противъ рабства, развѣдаващаго общественный организмъ цѣлые вѣка“.

«Произведенія Т. Г. вмѣстѣ съ исторіей его личности, въ которой воплотилась и выразилась вся исторія крѣпостнаго права, надолго сохраняютъ за собой значеніе самыхъ яркихъ, самыхъ выразительныхъ страницъ этого темнаго прошлаго, пережитки ко-

того, не смотря на истекшія сорокъ лѣтъ, чувствуются такъ живо нами и долго, нужно думать, еще будутъ чувствоваться... Чтобы понять и оцѣнить значеніе Шевченка, какъ проповѣдника освобожденія людей изъ оковъ рабства, нужно хотя на минуту мысленно перенестись къ состоянію русскаго общества и къ его моральному и уметвенному облику назадъ тому 50—60 лѣтъ. Всѣ пышныя тоги, въ которыя облакались представители русскаго общества первой половины настоящаго столѣтія, построенныя и сшитыя въ періодъ расцвѣта крѣпостничества, понзиосились и истерлись, не будучи въ состояніи прикрывать собою отвратительныхъ гнойныхъ язвъ душе — и рабовладѣнія, гнуснаго, неограниченнаго и разнузданнаго господства личности надъ физической и нравственной личностью другого. Попытки встать на защиту порабоженнаго народа, хотя и были, но не отличались стойкостью, силой и рѣшительностью, возникшая и принадлежа небольшому кружку лицъ, связанныхъ кровными и духовными узами родства съ классомъ господствовавшимъ. Рѣшительное, жгучее, бичующее слово противъ этой общественной язвы могло только раздаться не изъ-подъ тоги, а изъ подъ дырявой, «латаной свиты» самого угнетаемаго, того, кто на собственной личности испыталъ всю унижающую горечь и безконечную тяжесть надругательства со стороны властвующаго. И такой могучій голосъ раздался. Этотъ голосъ принадлежалъ гению украинскаго слова, великому поэту всего славянскаго міра. Украина, украинскій народъ, давшіе міру такого гения, имѣютъ право и должны вдвойнѣ гордиться своимъ гениемъ: онъ равнѣе другихъ и болѣе, чѣмъ кто либо другой, содѣйствовалъ восходу зарю свободы и паденію цѣпей рабства съ десятковъ милліоновъ рабовъ, какъ своимъ могучимъ, вѣщимъ словомъ, такъ и исторіей своей собственной личности. Та неизмѣримая высота, на которой въ этомъ отношеніи стоялъ гений украинскаго слова, была недостигаемой даже для «властителей думъ» тогдашняго русскаго общества, доказательствомъ чего служить то обстоятельство, что даже знаменитый Бѣлинскій не въ состояніи былъ понять и оцѣнить значенія музы Шевченка, дерзнувшаго въ мужицкой свиткѣ появиться въ общество.

... «кричитьъ собі

Я слухать не буду,

Та й до себе не покличу:

Вы розумні люде,

А я дурень, одынь собі

У моеї хатыни

Заспиваю, зарыдаю,

Якъ мала дитина —

Отвѣчалъ Тарасъ Григорьевичъ».

Бичуя рабство вообще, Шевченко своимъ призывомъ, обращеннымъ къ интеллигенціи, «обнять наименьшаго брата, шобъ усмихнулась заплатава маты», обратилъ вниманіе пробуждавшагося общества на носителя «латаной свитыны» — многомилліонный, обездоленный народъ «сыроты Украины». И голосъ его не остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Нашлись чуткія сердца, горячо откликнувшіяся на призывъ народнаго гения, повѣсившія значеніе этого призыва, неустыдившіяся дырявой свитки своего меньшаго брата, сдѣлавшія этотъ призывъ тяжелымъ подвигомъ всей своей жизни, всю жизнь не выпускавшія изъ рукъ знамени съ священнымъ для нихъ девизомъ и сошедшія съ этимъ знаменемъ въ могилу...

Чествованіе памяти поэта въ сороколѣтнюю годовщину со дня смерти Тараса Григорьевича, совпавшую почти съ днемъ освобожденія крестьянъ, должно принять особенно торжественную форму и, должно думать, въ связи съ сороколѣтней годовщиной стоитъ принятая литературнымъ фондомъ резолюція ходатайствовать о разрѣшеніи воздвигнуть памятникъ поэту, котораго нашъ Кобзарь не дождался въ продолженіи сорока лѣтъ».

Какъ теперь уже извѣстно, ходатайство это отклонено; но, конечно, можно быть увѣреннымъ, что осуществленіе его лишь отсрочено.

Что дѣлать? Но разъ уже циркулируетъ разрѣшенная недавно всероссійская подписка на памятникъ поэту Никитину: едва ли можно сомнѣваться, что въ недалекомъ будущемъ послѣдуетъ такое же разрѣшеніе подписки и на

памятникъ Т. Г. Шевченку. А памятнику этому умѣстнѣе всего, конечно, быть въ Кіевѣ, а потому то Кіевскимъ учено-образовательнымъ и просвѣтительнымъ обществамъ прежде всего слѣдуетъ подумать объ этомъ.

19) Издающаяся въ г. Симферополѣ газета „Крымъ“ 25-го февраля въ № 45, объявляя на первой страницѣ, что въ этотъ день, „по случаю 40-лѣтія кончины украинскаго поэта Т. Г. Шевченка отслужена будетъ въ Каодральномъ соборѣ послѣ обѣдни панихида“ въ хроникѣ сообщила, что 26-го февраля „въ театрѣ будетъ чествоваться память Т. Г. Шевченка по случаю сороколѣтія смерти поэта: для апофеоза написать г. Селивановымъ портретъ незабвеннаго Тараса Григорьевича“. Въ томъ же номерѣ редакторъ-издатель газеты Н. Н. Балабуха, старый кіевлянинъ, какъ это можно заключить изъ его воспоминанія о томъ, какое впечатлѣніе на него лично произвели встрѣча и проводы праха поэта въ Кіевѣ, посвятилъ свое передовое „письмо къ читателямъ“ памяти Шевченка, „вся жизнь котораго была живымъ протестомъ противъ ига крѣпостнаго права“.

Очевидно, въ интересахъ мѣстной публики, почтенный редакторъ въ своемъ письмѣ къ ней особое вниманіе обращаетъ, какъ бы подчеркиваетъ, „не только малорусское, но всерусское значеніе“ поминаемаго поэта.

„Сложилось почему то убѣжденіе, — пишетъ онъ — что въ малороссійскихъ темъ ничто не окрыляло поэзію Шевченка, но это мнѣніе одностороннее и чересчуръ утрированное.“

Поэтъ жаждетъ общей правды, общаго свѣта: это доказываетъ цѣлый рядъ его стихотвореній“.

Въ № 47 и 48 той же газеты помѣщена статья „Памяти Шевченка“, прочитанная С. В. Прикиборовскимъ на юбилейномъ вечерѣ 26-го февраля. Статья эта, представляя компилятивный очеркъ жизни и дѣятельности поэта, заканчивается тѣмъ же подчеркиваніемъ „всерусскаго значенія“ его и выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что произведенія Шевченка „мало знакомы нашей великорусской публикѣ“.

Послѣднія слова немножко странно слышать въ обращеніи къ симферопольской публикѣ и читать въ симферопольской газетѣ: неужели тамъ все великорусская публика?

20) Подчеркиваетъ для своей публики эти не „узко-національныя рамки“ поэзіи Шевченка и херсонская газета „Югъ“, помѣтивши 25-го февраля въ № 855 прекрасно написанный фельетонъ: „Пѣвецъ Украины Т. Г. Шевченко“ В. К—ой. „Воспроизводи въ пѣсняхъ — думахъ исторію Украины, — читаемъ въ этомъ очеркѣ жизни и поэзіи Шевченка — ея бытъ, природу, предразсудки, надежды, муза Шевченка въ то-же время не замыкается въ узко-національныя рамки, а касаясь и вѣсьмъ понятныхъ общечеловѣческихъ мотивовъ любви и ненависти, вражды и насилія, стремленія къ правдѣ и справедливости, она становится родственной всякому, независимо отъ національности“. Вспомнивъ „обаятельно поэтической образъ Катерины“, участь которой вызываетъ столько сочувствія „у всякаго читателя, кто бы онъ ни былъ“, авторъ говорить, что эта поэма — „понятна сердцу не одного малоросса, а какъ правдивая, часто повторяющаяся въ жизни людей картина безсердечія съ одной стороны и самоотверженной, попоранной любви съ другой, — вызываетъ слезу на глаза у каждаго, въ комъ душа не перестала возмущаться обидой и несправедливостью, наносимой человѣкомъ человѣку. А сколько мелкихъ стихотвореній у Шевченка, понятныхъ не одному лишь малороссу“.

Въ томъ же № „Юга“ на первой страницѣ напечатано объявленіе о томъ, что „26 февраля, въ ознаменованіе сороковой годовщины со дня кончины поэта Т. Г. Шевченка, почитателями его будетъ отслужена въ Успенскомъ соборѣ панихида“.

21) Въ г. Екатеринодарѣ „Кубанскія Областныя Вѣдомости“ (№ 44,

46 и 47) къ 40-лѣтію со дня смерти поэта помѣстили обстоятельную статью редактора Лук. Мельникова: „Гражданскіе мотивы поэзіи Шевченка“.

„Почти черезъ всѣ извѣстныя намъ писанія Т. Г. Шевченка, — такъ начинается авторъ свою статью, — начиная отъ наилучшихъ его поэтическихъ твореній и кончая частными письмами и дневникомъ, красною нитью проходить одинъ основной, доминирующій мотивъ, покрывающій собою другіе и заслоняющій ихъ, это — страстная, ни на минуту не покидающая поэта любовь къ своей „безталанной родинѣ, матери Украинѣ“. Всѣ другіе, личные интересы поэта — ничто предъ интересами дорогой отчизны, изъ за любви къ которой онъ такъ долго и такъ много страдалъ и за которую онъ готовъ былъ „погубить свою душу“, говоря его же собственными словами. О ней, объ отчизнѣ, поэтъ думаетъ непрерывно съ тѣхъ поръ, какъ умственный кругозоръ его расширился до пониманія всего великаго значенія этого священнаго слова“.

„Въ мастерской академіи художествъ въ Петербургѣ, во время поѣздокъ своихъ по родной землѣ съ художественно-научными цѣлями, въ камерѣ Третьяго отдѣленія, въ Оренбургѣ, на Аральскомъ морѣ, въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, на Волгѣ, въ Нижнемѣ, снова въ Петербургѣ и, наконецъ, наканунѣ самой смерти, — Украина является главенствующимъ интересомъ его жизни: она одна направляетъ его литературную и художественную работу, она одна даетъ смыслъ его существованію. — За что же такъ страстно любить поэтъ свою безталанную родину, каково *реальное* содержаніе его патриотизма и въ чемъ заключаются національные идеалы поэта“.

Дальнѣйшее изложеніе автора и является отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Въ цѣломъ рядѣ цитатъ изъ стихотвореній поэта авторъ указываетъ на развившуюся въ изображеніяхъ природы любовь собственно къ *землѣ* украинской, и затѣмъ — выразившуюся въ произведеніяхъ его любовь къ *людямъ*, къ людямъ села, которые у Шевченки — „не безсловесная стадная масса, трусливая, малодушная и послушная всякому, кому бы ни пришла охота командовать ею, далеко нѣтъ“. Авторъ перечисляетъ цѣлый рядъ образовъ, представленныхъ поэтомъ изъ настоящаго и прошлаго Украины.

Переходя въ IV-ой главѣ своего очерка къ произведеніямъ Шевченка историческаго и политическаго содержанія и къ выясненію идеаловъ поэта, авторъ говоритъ:

«Какъ ни тяжело было положеніе Украины, современной поэту, оно все-таки не было безнадежно, и поэтъ твердо вѣрилъ и надѣялся на возможность скораго облегченія ея участи. Спасеніе Украины поэтъ видитъ въ осуществленіи тѣхъ идеаловъ общественной жизни, которые свѣтятъ всему цивилизованному человѣчеству. Идеалы эти, быть можетъ, не сразу были восприняты поэтомъ во всемъ ихъ объемѣ и значеніи. Возможно, что общественное міросозерцаніе Т. Г. Шевченка въ началѣ его поэтической дѣятельности было сравнительно узко, носило обликъ односторонняго и ограниченнаго мѣстнаго патриотизма, проявленіемъ котораго было такъ называемое *козацкіе* въ его, такъ сказать, декоративной обстановкѣ.

Но, по мѣрѣ развитія его духовныхъ силъ, узкія рамки его общественнаго міровоззрѣнія раздвигаются и воспринимаютъ содержаніе гораздо болѣе широкое по объему и болѣе глубокое — по внутреннему достоинству.

Все славянство становится предметомъ величайшихъ симпатій поэта. И поэтъ молить Бога,

Щобъ вси славяне стали
Рідными братами
И сынами сонця правды
И ертыкамы,
Оттакымы, якъ Констанській
Ертыкъ великій!
Миръ мірови подарують
И славу во вики!..

Но славянофильство Шевченка отличается самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ стереотипнаго московскаго славянофильства, отъ котораго, во многихъ отношеніяхъ, несло затхлымъ запахомъ допетровской Руси, мракомъ византийщины и Домостроя.

Поэтъ жаждалъ полной свободы, внѣшней и внутренней, для порабожденныхъ политически и социальнo славянскихъ народовъ, полной автономіи ихъ внутренней жизни и братскаго единенія всѣхъ ихъ путемъ *федерации*.

Нѣтъ силы въ мірѣ, которая была бы въ состояніи сковать живую душу и живое слово, которая могла бы задуть стремленія человѣка къ свободѣ.

«Встане правда, встане воля», восклицаетъ поэтъ, и имъ «поклоняться вси языки». И тогда —

И сплочнуть невольнич
Утомлены руки,
И колѣна одпочнуть,
Кайданами кути!
Радуйтесь, вбогодухи,
Не лякайтесь дыва:
Се Богъ судить, вызволяе
Довготерпелывыхъ —
Вась убогихъ — и воздае
Злодіямъ за злая!...

Будущее рисуется поэту въ видѣ тѣснаго братскаго *единенія* народовъ, въ семьѣ которыхъ и Украина займетъ достойное ея мѣсто.

Онъ предрекаетъ близкое наступленіе времени, когда «малы диты Украины» «на ворага стануть», когда

Разкуются незабаромъ
Заковани люде;
Настане судъ, заговорять
И Днипро, и горы,
И потече сториками
Кровь у сыне море.

Эти, столь *крайнія* воззрѣнія поэта на способы рѣшенія мучившихъ его вопросовъ, объясняются, конечно, условиями той эпохи, въ которую жилъ и писалъ поэтъ: Крѣпостное право, этотъ важнѣйшій объектъ ненависти поэта, усугублявшій и другія причины его недовольства существующимъ порядкомъ вещей, царило во всей своей силѣ, и не видно было и признаковъ паденія его.

Минуло 40 лѣтъ со дня безвременной кончины великаго украинскаго баяна.

Какая же судьба постигла провозглашенные имъ идеалы, осуществились ли они?

Съ чувствомъ большого удовольствія должно признать, что значительная часть изъ того, чего такъ жаждалъ поэтъ, осуществилась въ дѣйствительности и къ счастью, *не тѣмъ путемъ*, который казался поэту почти единственнымъ.

Мирно, спокойно и величественно совершилось освобожденіе *всего* русскаго крестьянства отъ рабства. Господствовавшіе до сихъ поръ принципы жизни поколебались въ своемъ основаніи и *пошли на уступки* новонародившемуся общественному *самосознанію*. Старый режимъ въ значительной степени съузилъ сферу своего владычества отодвинувъ на задній планъ «Судебными Уставами Императора Александра II».

Вѣднѣе нѣкоторой частью мѣстныхъ дѣлъ было передано самому населенію въ лицѣ земскихъ учреждений, и вчерашній рабъ, *наравнѣ* со своимъ бывшимъ владыкой, былъ призванъ вѣдать и рѣшать эти мѣстныя (хозяйственныя) дѣла и творить судъ и правду не только совмѣстно съ этимъ владыкой, но *и надъ нимъ*.

Всѣ эти права и вольности распространились и на украинскій народъ, и такимъ образомъ возмущавшая поэта социальная несправедливость, въ свое время постигшая Украину, по волѣ Императора Александра II отошла навсегда въ область прошедшаго...»

Авторъ долго останавливается надъ „ходячими“ мнѣніями объ „исключительности“ патриотизма Шевченка, о его „сепаратизмѣ“. Объясненія автора

этой стороны дѣла, изложенныя въ провинціальной и притомъ официальной газетѣ, представляютъ не малый интересъ, и потому приводимъ ихъ почти цѣликомъ.

«Общераспространенное мнѣніе,—говоритъ авторъ,—о томъ, что исключительный украинскій патриотизмъ Шевченка препятствовалъ ему относиться ко всему великорусскому съ должной справедливостью, совершенно неосновательно; изъ за вишней оболочки, въ которую, по данному вопросу, поэтъ облакалъ свои мысли и чувства, забыли самое главное—*сущность* этихъ мыслей и чувствъ.

Относясь враждебно къ тому, что онъ называлъ «московщиною», Шевченко вражды своей отнюдь не распространялъ на великорусскую *народность* и ея интеллигенцію; «Московщина» для поэта была терминомъ въ которомъ суммировались все отрицательныя стороны современнаго ему режима, основы котораго восходили еще ко временамъ московскаго періода русской исторіи.

Хотя все мнѣніе о томъ, что Шевченко въ сущности былъ сторонникомъ и поповѣдникомъ *сепаратизма*, въ смыслѣ *полнаго отдѣленія* Украины отъ Велико-россiи, рѣшительно ни на чемъ не основаны и не подтверждаются его сочиненіями.

Любить родной край—еще не значить желать и добиваться отдѣленія его отъ Россiи. Поэтъ жаждалъ лишь наступленія возможности для Украины свободно развивать присущія ей вароду духовныя силы и—свободнаго удовлетворенія *мѣстныхъ* нуждъ этого народа его собственными силами и средствами, по его желанію и разумѣнію.

Но вѣдь таковы же были нужды и великорусскаго народа, и великорусская интеллигенція въ идеалахъ Шевченка не находила ничего такого, осуществленія чего она столь же страстно не желала бы и для Великороссiи, и потому дѣло, за которое боролся Шевченко, не было узко національнымъ, мѣстнымъ дѣломъ, а было дѣломъ *общерусскимъ* и только потому могло казаться специально-украинскимъ, что поэтъ писалъ о немъ *по-малорусски*.

22) Ставропольская газета „Сѣверный Кавказъ“ въ своей поминкѣ Т. Г. Шевченка по случаю 40-лѣтія со дня его смерти касается исключительно значенія его, какъ народнаго поэта, въ смыслѣ передоваго челоѵка своего народа, бойца за прогрессивныя идеи своего вѣка, ставшаго „живою связью между народнымъ сознаниемъ и движеніемъ общечеловѣческой мысли“.

«Самое широкое просвѣщеніе, свобода мысли и слова, въ частности слова украинскаго, религіозная терпимость, устраненіе изъ общественной жизни произвола и насилия, любовь и справедливость къ «наименьшему брату»—вотъ существенныя элементы жизни украинскаго пѣвца «воли».

Смѣлость выраженія своихъ заѵтныхъ мечтаний, обличенія существующаго порядка вещей, ненависть къ неправдѣ и поправію челоѵческихъ правъ и, главное, самоотверженная любовь къ народу,—все это вылилось у Шевченка въ звучной и сильной рѣчи—«мужичкой», изъ самаго сердца униженнаго мужика, въ глухіе 40-ые годы, въ эпоху расцвѣта крѣпостничества и угнетеннаго состоянія русской мысли. Можно ли послѣ этого считать Шевченка только народнымъ поэтомъ, въ узкомъ, специальномъ смыслѣ этого слова? Нѣтъ, это былъ и одинъ изъ самыхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей XIX вѣка, которыхъ не забудетъ не только исторія литературы, но и исторія цивилизаціи вообще.

При жизни Шевченко своей живой поэзіей пробуждалъ совѣсть своихъ соотечественниковъ, владѣльцевъ «души», укрѣплялъ стремленіе къ волѣ въ народной массѣ, которая еще тогда знала его, какъ челоѵка, писавшаго волю», и окружила память о немъ ореоломъ легендарнаго свойства. Послѣ его смерти, въ эпоху народничества, его произведенія положили начало новой украинской литературѣ, доказавъ не только литературную правоспособность украинскаго языка, но и жизненное его значеніе: та часть малорусскаго народа, которая подъ именемъ Галиціи и Буковины находится подъ властью Австріи, вела успѣшную борьбу за свои права съ поляками и мадьярами единственно благодаря пробудившемуся, подъ влияніемъ поэзіи Ш-ка и созданной имъ литературы, національному самосознанію галичанъ».

23) Отмѣтилъ 40-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка и „Полицейскій Листокъ Керчь-Еникальскаго Градоначальства“, помѣстивши въ №№ 10 и 11 тепло написанную статью Ю. Голобутскаго „Т. Г. Шевченко, какъ поэтъ“. Статья представляетъ развитіе мысли, являющейся и твердымъ убѣжденіемъ автора, что Шевченко, „и воспѣвая родину Украину, въ тоже время всей душой отдавался интересамъ общерусскимъ, и даже больше того—общеславянскимъ“.

24) „Черноморскій Вѣстникъ“ въ г. Батумѣ помянулъ 40-ковую годовщину смерти Шевченка въ № 46-мъ маленькою, безцвѣтною, но и въ безцвѣтности своей настолько характерною (для провинціальной печати) замѣткою, что мы умѣстнымъ считаемъ привести ее здѣсь цѣликомъ. Любопытно то, что изъ всехъ произведеній Шевченка отмѣченъ здѣсь особо переводъ „Псалмовъ“ Давида, т. е. именно то, что въ существующія у насъ изданія „Кобзаря“ не входитъ.

«Вчера исполнилось сорокъ лѣтъ со дня кончины популярнаго малороссійскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка.

Будущій авторъ «Кобзаря» былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ и съ дѣтства чувствовалъ необыкновенное влеченіе къ живописи, которой и началъ учиться сперва у деревенскаго маляра, а затѣмъ въ Варшавѣ у живописца. Въ Петербургѣ, куда Шевченко былъ привезенъ своимъ собственникомъ, помѣщикомъ, онъ познакомился съ кружкомъ художниковъ и литераторовъ и нашелъ покровительство у Брюллова, Жуковскаго и Гребенки, благодаря ходатайству которыхъ былъ выкупленъ у помѣщика въ 1838 году и опредѣленъ ученикомъ въ Императорскую академію художествъ.

Въ 1840 году Шевченко выпустилъ сборникъ своихъ стиховъ, знаменитый «Кобзарь», и сразу получилъ широкую извѣстность. Т. Г. Шевченко написалъ также рядъ повѣстей на русскомъ языкѣ и составилъ южно-русскій букварь. Необыкновенной красотой, звучностью стиха и задушевностью отличается переводъ Шевченка на малороссійскій языкъ «Псалмовъ» Давида.

Т. Г. скончался 26 февраля 1861 года, на сорокъ восьмомъ году жизни, заслуживъ по праву одно изъ видныхъ мѣстъ среди крупныхъ славянскихъ поэтовъ».

25) Другая закавказская газета „Каспій“, издающаяся въ г. Баку, помянула ту же годовщину несравненно ярче, помѣстивши въ № 44 довольно обстоятельную статью Г. Д. „Памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка“. Въ біографическомъ очеркѣ авторъ съ симпатіей указываетъ на значеніе „Кирилло-Меоодіевскаго братства“ и не забываетъ подчеркнуть особо тяжелыя условія ссылки поэта, которая „поглотила лучшую пору его жизни“... „Душина казарма, спящие на нарахъ солдаты и между ними страдалецъ—поэтъ.—Тяжелыя думы отогнали сонъ, рвутъ его сердце, часы, какъ вѣка, медленно идутъ одинъ за другимъ... и не разъ поэтъ орошаетъ подунику слезами...“ Въ очеркѣ приведена сцена, пережитая поэтомъ 19-февраля, когда зашелъ къ нему землякъ Черненко, на котораго онъ набросился, вскочивъ съ постели, съ вопросами: „Что, есть? есть воля? объявленъ манифестъ?...“ Получивъ отрицательный отвѣтъ, поэтъ закрылъ лице руками, упалъ на диванъ и зарыдалъ.

26) Помянула годовщину смерти Шевченка и сибирская печать. Въ № 42 «Восточнаго Обзорнія», издающагося въ г. Иркутскѣ, находимъ фельетонъ М. Невскаго: «Къ сорокалѣтню кончины Т. Г. Шевченки»,—тепло написанный біографическій очеркъ, оканчивающийся такого рода любознательнымъ отступленіемъ: «Лучшіе друзья Шевченка, какъ Кулишъ и Максимовичъ, какъ это вообще принято среди такъ называемыхъ друзей (?), посѣдѣли послѣ его смерти вынести соръ изъ избы и жадно обрунились на «батяка Тараса» за его излишнее пристрастіе къ «варенухѣ» и спиртнымъ напиткамъ и жалѣли, что ему было много дано, но онъ мало сдѣлалъ. Мало сдѣлалъ авторъ «Катерины», «Невольника», «Наймычки», «Гайдамаковъ», авторъ думъ и пѣсенъ, вошедшихъ въ его «Кобзарь»! Правда, прописаная мораль давно твердитъ намъ,

что «вино губить человѣка». Но отчего пилъ Шевченко, отчего пили и пьютъ многіе талантливѣйшіе люди? Прекрасный отвѣтъ на нашъ «проклятый» вопросъ найдемъ мы у Д. Писарева: «Зачѣмъ пьютъ наши даровитые люди? Человѣкъ съ умомъ и душою такого пошлаго вопроса не предложитъ. Кабы не было тяжело, такъ не стали бы пить. Есть люди, которые не умѣютъ дѣлать уступокъ: имъ подавай или все, или ничего; при первой разбитой надеждѣ они бросаютъ все и съ какимъ то злобнымъ наслажденіемъ разбиваютъ объ дорогу и свой идеалъ, и свои стремленія, и молодость, и силу, и жизнь». А развѣ не было тяжело тому, кто самъ писалъ и писалъ искренно: «Думы мои, думы, тяжело мнѣ съ вами!». Горе только, горе въ свѣтъ васъ породило, полило слезами . . . лучше бъ утонуло».

Никто, никто не понималъ его тяжелыхъ думъ о его чудной родинѣ, о его крѣпостныхъ кровныхъ, о десятилѣтнемъ перерывѣ художественной и поэтической жизни тяжелой солдатчиной. Не для пониманія этихъ думъ существовалъ и холодный Петербургъ, къ которому онъ былъ прикованъ работой, и недаромъ писалъ Шевченко про свои думы: «Пробирайтесь въ Украину! тамъ вы правду, тамъ вы сердце вѣрное найдете, и быть можетъ и святую славу наживете...» И онъ былъ правъ: имя «батька Тараса», украинскаго кобзаря, будетъ имѣть значеніе, пока хоть одинъ человѣкъ еще станеть говорить, мыслить и любить жить по малорусски».

27) Болѣе выразительно отмѣтила сороковую годовщину смерти украинскаго поэта другая сибирская газета, издающаяся въ университетскомъ городѣ Томскѣ, «Сибирская Жизнь». Въ № 44 находимъ двѣ статьи, посвященныя памяти Шевченка: биографическій очеркъ З. и замѣтку Ив. Иванова о содержаніи и значеніи поэзіи Шевченка. Последняя впрочемъ далеко слабѣе той рѣчи этого автора, какая помѣщена въ недавно вышедшей его книгѣ «Новая культурная сила. Русскіе писатели XIX в.» Въ № 46 той же газеты находимъ обстоятельный отчетъ о литературно-музыкальномъ вечерѣ въ память Т. Г. Шевченка, устроенномъ «Обществомъ попеченія о начальномъ образованіи» въ театрѣ при бесплатной библиотекѣ. На этомъ вечерѣ биографію поэта прочелъ профессоръ Томскаго университета М. А. Рейслеръ. Быть можетъ, и эта рѣчь попадетъ на страницы «Сибирской Жизни», но—намъ не удалось ее получить. Другой профессоръ университета Г. А. Малиновскій «познакомить публику съ главнѣйшими моментами поэтической дѣятельности Т. Г. Шевченка».

IV.

Наиболѣе выразительно и согласно почтила память Т. Г. Шевченка въ 40-ую годовщину его смерти печать одесская: всѣ три большія газеты, издающіяся въ г. Одессѣ, помѣстили въ этотъ день на своихъ столбцахъ и передовыя статьи, посвященныя памяти поэта, и болѣе или менѣе обширные рефераты о его произведеніяхъ: кромѣ того, 25-го февраля въ своихъ иллюстрированныхъ воскресныхъ приложеніяхъ напечатали портретъ Шевченка и видъ его могилы, «Одесскій Листокъ» напечаталъ видъ г. Калева (соборъ и училище), вблизи котораго похороненъ поэтъ, а «Одесскія Новости» видъ той усадьбы въ с. Кирилівкѣ, въ которой онъ провелъ свое дѣтство.

Передовыя статьи одесскихъ газетъ, опредѣливъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ общепризнанное значеніе поэзіи Шевченка, вмѣстѣ съ тѣмъ и напоминали о необходимости почтить память поэта соответствующимъ его значенію образомъ, увѣковѣчить его память такимъ или инымъ памятникомъ.

28) «Южное Обзоріе» въ заключеніе своей передовой статьи, напомнивъ выраженное 20 лѣтъ тому назадъ въ засѣданіи Историческ. Общества Нестора лѣтописца» проф. А. А. Котляревскимъ «историческое пожеланіе»: да получить общее признаніе и уваженіе поэтическая дѣятельность родного намъ края на языкъ ему родномъ, да утвердится за нею полное право безбоязненнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго существованія и развитія!» — выражаетъ

увѣренность, что всѣ его читатели раздѣлятъ съ нимъ это «историческое пожеланіе», а скорѣйшему осуществленію его, по мнѣнію газеты, «мы всѣ можемъ и должны содѣйствовать, и прежде всего тѣмъ, что найдемъ достойный способъ чествовать великаго поэта, согласно его завѣту:

Обнимите жъ, братья мои,
Найменьшого брата!

Собрать необходимый капиталъ на учрежденіе народной школы имени Т. Г. Шевченка въ родномъ его селѣ или вблизи его могилы—это самое лучшее чествованіе памяти поэта, муза котораго, не имѣя «зерна неправды за собою», такъ горячо призывала людей къ служенію народу, къ удовлетворенію матеріальныхъ и духовныхъ потребностей массы. Мы думаемъ, что осуществленіе этого дѣла могло бы быть на себя въ Кіевѣ, напр., мѣстное «Общество грамотности», а въ Одессѣ—«Славянское благотворительное общество».

Въ томъ же номерѣ находимъ фельетонъ А-ра «Кобзарь Т. Г. Шевченка», въ которомъ передано существенное содержаніе статьи проф. Огоновскаго, составляющей предисловіе къ самому полному львовскому изданію «Кобзаря». Начинаетъ же свой рефератъ г. А-ръ указаніемъ на то, что извѣстный русскій педагогъ В. Острогорскій въ книгѣ своей «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу, въ числѣ «образцовыхъ художественныхъ произведеній» лучшихъ писателей родной литературы» давно уже рекомендуетъ и чтеніе произведеній Т. Г. Шевченка.

Выразивъ пожеланіе, чтобы выходящія въ Россіи изданія «Кобзаря» не обходились безъ необходимыхъ для надлежащаго пониманія всѣми историко-литературныхъ примѣчаній къ произведеніямъ поэта, А-ръ въ заключеніе выражаетъ увѣренность, что «Кобзарь», уже и теперь являющійся если не настольною книгою, то необходимою принадлежностью домашней библиотеки каждаго сколько нибудь просвѣщеннаго малоросіянина,—получить и въ школѣ то значеніе, какое отводитъ ей уже давно въ своихъ руководствахъ русскій педагогъ В. Острогорскій, указавшій въ немъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу».

29) «Одесскій Листокъ» помѣстивъ въ двухъ фельетонахъ 25 и 26-го февраля подъ заглавіемъ «Перебендя Т. Г. Шевченка» существенное содержаніе изслѣдованія Ивана Франка объ этомъ произведеніи. Изложенію этого содержанія А. Т-ый предислалъ маленькое предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, объяснилъ, почему онъ остановился на этой именно темѣ:

«Перебендя», говоритъ онъ, едва ли не самое читаемое изъ тѣхъ немногихъ произведеній Шевченка, какія обыкновенно декламируются публично на литературно-музыкальныхъ вечерахъ. Надо поэтому думать, что оно и наиболѣе знакомо русской публикѣ. Необыкновенно задумевная по своему лиризму, въ высшей степени мелодическая по стику, вполнѣ художественная по образности выраженія, эта маленькая поэма дѣйствительно вполнѣ пригодна для публичныхъ чтеній, имѣющихъ цѣлью «чувства доброй лирой пробуждать».

Въ виду этого, мы и находимъ умѣстнымъ, по случаю 40-й годовщины смерти поэта, по духу столь близкаго своему «Перебендѣ», въ образѣ котораго такъ много отразилось личныхъ чертъ поэта,—предложить вниманію читателей болѣе или менѣе обстоятельный историко-литературный этюдъ объ этомъ выдающемся произведеніи Шевченка».

Въ передовой же статьѣ 26-го февраля (№ 53), посвященной памяти Т. Г. Шевченка, газета, указавъ главнымъ образомъ на общественно-историческое значеніе его поэзіи, высказываетъ пожеланіе, чтобы и у насъ возникли связанныя съ именемъ Шевченка учрежденія, которыя бы могли «хотя бы въ малой мѣрѣ выполнять дѣло жизни, завѣщанное поэтомъ». Упомянувъ о недавно возникшемъ у насъ въ Петербургѣ филантропическомъ «Обществѣ имени Т. Г. Шевченка для вспоможенія нуждающимся уроженцамъ Южной

России въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга», газета обращаетъ особое вниманіе своихъ читателей на другое общество, приглашая ихъ поддержать его своими пожертвованіями.

„Къ сожалѣнію,—читаемъ въ заключеніи этой статьи—не связано съ именемъ Т. Г. Шевченка другое одновременно возникшее въ Петербургѣ „Благотворительное общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ“, уставъ котораго утвержденъ правительствомъ 19 ноября 1898 г., а § 1-й его гласитъ: „Общество имѣетъ цѣлю придти на помощь религиозно-нравственному и экономическому благосостоянію малорусскаго народа“. Это „Общество“ издало уже нѣсколько народныхъ книжекъ на малороссійскомъ языкѣ. Надо думать, что самый фактъ утвержденія устава этого общества указываетъ на болѣе или менѣе близкое освобожденіе литературнаго украинскаго языка отъ того ограниченія, какое установилось съ 1876 г., и разрѣшеніе употреблять его не только въ беллетристику, но и во всѣхъ другихъ родахъ сочиненій, служащихъ просвѣщенію народа. Предсѣдателемъ этого „Общества“ состоитъ извѣстный писатель Д. Л. Мордовцевъ. Обращая вниманіе нашихъ читателей на просвѣтительную задачу этого „Общества“, не можемъ не выразить желанія, чтобы сороковая годовщина смерти Т. Г. Шевченка вызвала возможно болѣе широкій приливъ пожертвованій въ пользу этого „Общества“.

Конечно, пора-бы уже почтить память поэта и учрежденіемъ школъ его имени, и стипендіями въ университетахъ, и преміями за лучшія сочиненія, проливающія свѣтъ знанія въ темную массу народа, и за труды по всестороннему изученію этой массы... И все это вѣдь было намѣчено уже почитателями поэта тотчасъ послѣ его смерти!.. И во всемъ этомъ сказалась наша всероссійская косность, наше непростительное равнодушіе къ памяти великихъ людей, наше малодушіе... Словомъ, все то, что такъ чуждо было Шевченку, который въ далекой ссылке, въ качествѣ подневольнаго рядового солдата, и въ минуты горькаго отчаянія просилъ Бога лишь объ одномъ:

Не дай спаты ходячому,
Сердцемъ замираты
И гнѣлою колодою
На свити лежаты!
А дай жыты, сердцемъ жыты,
И людей любыты!

Для поэта хоть и страшно было „умирать въ неволи“, но еще страшнѣе — „спаты, и спаты на воли!“

Пусть-же этотъ благородный образъ поэта-страдальца, поэта-пророка, вождя, пробудитъ наше сердце и подскажетъ, чѣмъ и какъ мы можемъ и должны почтить память того, кто одинъ горячо призывалъ насъ „обнять наименьшого брата“.

30) Въ „Одесскихъ Новостяхъ“ (№ 5224) находимъ въ фельетонѣ обширную статью «Шевченко и Мицкевичъ» — изложеніе двухъ главъ изслѣдованія проф. А. Колессы, напечатаннаго въ «Запискахъ науковаго товариства имени Шевченка». Въ началѣ этого реферата читаемъ:

„Если въ русской литературѣ въ теченіе сорока лѣтъ, прошедшихъ со дня смерти украинскаго народнаго поэта Т. Г. Шевченка († 26-го февраля 1861 г.), не появилось ни одного сколько-нибудь обстоятельнаго научнаго изслѣдованія о литературной его дѣятельности, то въ литературѣ галицко-русской и польской можно найти уже нѣсколько такихъ трудовъ историко-литературной критики, научно обслѣдовавшихъ ту или другую сторону поэзіи Шевченка, касавшихся и общаго ея историческаго значенія, и отдѣльных ея произведеній.“

Между прочимъ, вопросу о вліяніи Мицкевича на Шевченка посвящены обстоятельные труды двухъ профессоровъ Львовскаго университета А. Колессы и Краковскаго — О. Третьяка.

Обширное критическое изслѣдованіе А. Колессы о значеніи вліянія Мицкевича въ развитіи поэтическаго творчества и въ генезисѣ отдѣльныхъ поэмъ Шевченка напечатано было въ 1894 г. въ „Запискахъ науковаго товариства имени Шевченка“, занимая добрую половину III-го тома этого изданія. Въ виду рѣдкости у насъ этого на-

учнаго изданія, хотя и разрѣшеннаго къ выискѣ въ Россіи, а потому и малаго знакомства съ нимъ образованнаго русскаго общества, находимъ умѣстнымъ познакомить съ нимъ нашихъ читателей и хоть этимъ помянуть „не злымъ, тихымъ словомъ“ незабвеннаго поэта въ 40-ую годовщину его смерти.

Въ первой главѣ своего изслѣдованія А. Колесса устанавливаетъ вообще степень знакомства Шевченка съ языкомъ польскимъ и его литературою, опредѣляетъ время, въ теченіе котораго выступаетъ въ поэзіи Шевченка вліяніе Мицкевича, и, наконецъ, опредѣляетъ періоды въ развитіи вообще творчества Шевченка. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ авторъ разсматриваетъ, согласно установленнымъ имъ тремъ періодамъ, отдѣльные произведенія, подвергая важнѣйшія изъ нихъ обстоятельному анализу строго научной историко-литературной критики. Въ пятой заключительной главѣ даетъ краткій выводъ изъ произведенныхъ имъ изслѣдованій и опредѣляетъ значеніе оригинальной творческой силы Шевченка среди разнообразныхъ впечатлѣній а литературныхъ вліяній, отразившихся въ его поэзіи.

Вотъ эти то двѣ главы изслѣдованія А. Колессы, первую и пятую, мы и передадимъ ниже по возможности дословно, опустивъ лишь сопровождающее текстъ множество примѣчаній и ссылокъ, необходимыхъ въ научной работѣ.

Въ заключеніе пятой главы находимъ интересное сопоставленіе лирики Шевченка съ произведеніями другихъ европейскихъ поэтовъ и затѣмъ образное сравненіе Мицкевича и Шевченка,—все это мы и приведемъ цѣликомъ.

„Многія стихотворенія Шевченка въ отношеніи художественной цѣнности и серьезности содержанія можно поставить рядомъ съ лучшими произведеніями (того-же рода) европейской литературы.“

Но съ точки зрѣнія характеристическихъ признаковъ его поэтическаго таланта, нельзя Шевченка сравнить ни съ однимъ изъ извѣстныхъ поэтовъ, такъ какъ его произведенія вытекали изъ исключительныхъ условий его жизни: Шевченко представляетъ единственную въ европейской литературѣ особу гениальнаго мужика, вдохновенаго поэта своего народа.

Горячая любовь къ простому народу, простонародные сюжеты и народный складъ стихотвореній Кольцова приближаютъ ихъ къ „Думкамъ“ Шевченка, хотя послѣдній стоитъ далеко выше Кольцова по силѣ чувства и слова и по глубинѣ взглядовъ на жизнь.

Лиризмъ Шевченка по его силѣ можно-бы сравнить кое гдѣ съ лирическимъ настроеніемъ Гейне. Но самыя смѣлыя свои мысли выразилъ Гейне въ сатирическихъ произведеніяхъ, а своимъ ибсиамъ, перламъ лирики, придалъ характеръ преимущественно эротическій. Шевченковы же „Думки“ имѣютъ несравненно болѣе широкую основу; въ нихъ мы видимъ цѣлый рядъ разнообразныхъ чувствъ: отъ личнаго горя до міровой скорби.

По любовному отношенію къ природѣ, по стремительно горячему темпераменту, по смѣлости прогрессивныхъ идей, по нѣжности чувства, по крайней чувствительности ко всякой людской неправдѣ и обидѣ, по участію къ несчастной женщинѣ,—больше всего сходенъ Шевченко съ знаменитымъ англійскимъ лирикомъ Шелли. Правда, у Шевченка нѣтъ такого широкаго міросозерцанія, его стихотворенія не имѣютъ той философской основы, какую видимъ у Шелли, не отличаются и такою искусною отдѣлкой формы, какъ самыя мелкія произведенія англійскаго поэта; но зато стихотворенія Шевченка имѣютъ конкретное содержаніе, они свободны отъ романтической метафизики. Потому-то многія произведенія Шелли представляютъ живой интересъ только для ученаго философа; Шевченковы-же всѣ въ совокупности доступны широкому кругу сколько-нибудь просвѣщенныхъ людей.

По высокой-же чистой любви къ родному краю и народу никто такъ не подходитъ къ Шевченку, какъ Мицкевичъ. У обоихъ поэтовъ звучитъ эта любовь такъ идеально, соединяется съ такимъ самопожертвованіемъ, съ такою политическою отвагой; ставятъ такую непоколебимую, единственную цѣль жизни, просвѣщена такими высоко-гуманными передовыми стремленіями, что она, такая любовь къ роднѣ, создала Шевченку, какъ и Мицкевичу, положеніе величайшаго духовнаго вождя, перваго гениа своего народа.

Мицкевичъ сравнивалъ себя и Пушкина съ двумя вершинами Альпъ, которыя, хотя и раздѣленные навѣки быстрымъ ручьемъ, дружески склоняются другъ къ другу.

Если-бы такое сравненіе приложить къ Шевченку и Мицкевичу, то слѣдовало бы его выразить иначе.

Мицкевичъ и Шевченко—это двѣ гигантскія горныя вершины, стоящія надъ цвѣтущею долиной. Въ этой долинѣ живутъ два народа: польскій и украинско-русскій. Потокъ кровавыхъ историческихъ событій, который долгое время свирѣпо разливался по этой долинѣ, обращая ее въ пустыню, прорылъ глубокой оврагъ между обоими народами. Но *не навѣки* онъ раздѣлилъ эту долину. Подъ лучами распространяющейся цивилизаціи стала понемногу равнина вновь оживать. Само время стерло уже многіе слѣды страшнаго историческаго наводненія. А изъ глубины двухъ горныхъ великановъ—геніевъ, да другихъ меньшихъ вершинъ— талантовъ, что обступили долину, вытекли могучіе потоки человѣколюбивыхъ идей, тысячею животворныхъ ручейковъ разлились по долинѣ, орошая засохшую землю, вызывая въ ней новую жизнь... Подъ ихъ вліяніемъ расцвѣтаютъ долины: рослая деревья, плоды высшей человѣческой культуры, склоняются съ обѣихъ сторонъ оврага, дружно силетая свои молодыя вѣтви. Старыя груды пересудовъ и нетерпимости, подмытыя быстрыми струйками, одна за другою, на нашихъ глазахъ, рунутся въ тотъ оврагъ, что раздѣлялъ долину, засыпаютъ его мусоромъ и сами упадутъ разсыпавшись, и на развалинѣ ихъ разовьются новыя, лучшія дружескія отношенія обонихъ народовъ.

Эти два образа станутъ въ исторіи обонихъ народовъ, какъ двѣ вѣчныя пирамиды, которыя будущимъ столѣтіямъ напомнятъ идеальныя стремленія современныхъ поколѣній; — и далекіе будущіе вѣка съ уваженіемъ будутъ произносить два великія имени: Шевченко и Мицкевичъ“.

Въ передовой же статьѣ своей отъ 25-го февраля «Памяти Т. Г. Шевченка» газета, напоминая о томъ, что пора бы уже и русскому юношеству на школьной скамьѣ знакомиться съ жизнью Шевченка и съ его «Кобзаремъ», пора бы и чествовать поэта не въ тѣсныхъ кружкахъ «почитателей», не «утаенно отъ зрѣнія людскаго», — говоритъ въ заключеніе:

„Французскій критикъ Е. Дюранъ, помѣстившій весьма обстоятельную статью о Шевченкѣ въ „Revue des deux mondes“ 1876 г. (июнь), высказалъ, что „Шевченко заслуживаетъ цѣлаго тома изслѣдованій для европейской публики“. А для русской? Что дали за истекшія сорокъ лѣтъ наши присяжные ученые? Что услышало русское учащееся юношество и образованное общество о Шевченкѣ съ кафедръ славянской филологій, что падано о немъ нашими историко-филологическими обществами?“

Или и по сей день правъ Шевченко въ своемъ ироническомъ укорѣ современному ему поколѣнію, зачитывавшемуся „Коляромъ, Шафарикомъ и Ганкой: „и въ славянофилы такъ и претесе, и вси мовы славянскаго люду, вси знаете, а своєю дасью Бигъ... „Кольсь будемъ и по своему глаголатъ, якъ немецъ покаже, а до того и исторію намъ нашу розскаже“... Да, пожалуй, немецъ Grantzos въ своей статьѣ „Kleinrussen und ihre Dichter“ и предупредилъ уже русскихъ педагоговъ, давши въ 1878 г. прекрасный популярный очеркъ поэзіи Шевченка, отмѣтивши въ немъ прежде всего „универсальность таланта Шевченка“, одинаково сильнаго въ лирикѣ и эпосѣ.

Да, пора, давно пора намъ чествовать память великаго поэта не „сокровенно отъ зрѣнія людскаго“ и не одними лишь поминальными вѣтчами...

Пусть же эта-сороковая годовщина смерти „батька“ Тараса внушитъ его „дитямъ“ (а дѣтми его должна въ концѣ концовъ признать себя прежде всего вся интеллигенція) достойныя формы увѣковѣченія его памяти. Формы эти намѣчены были еще въ годъ смерти его; но лишь очень немногое изъ заявленныхъ намѣреній друзей его исполнено: ни школы имени Шевченка, ни стипендій въ университетахъ, ничего подобнаго, связаннаго съ именемъ Шевченка, нѣтъ...

Мы съ своей стороны предложили бы хоть скромнымъ *дѣломъ* ознаменовать одесскія поминки Шевченка въ настоящую сороковую годовщину его смерти: собрать небольшой капиталъ его имени для выдачи изъ процентовъ его премій за лучшія историко-литературныя изслѣдованія о поэзіи Шевченка или вообще о малорусской народности—въ

ея языкѣ, исторіи, во всѣхъ особенностяхъ народной психологій. Такая премія могла бы выдаваться историко-филологическимъ факультетомъ нашего университета или состоящимъ при университетѣ же „Историко-филологическимъ обществомъ“, которое не откажется, конечно, отъ такой обязанности исполнѣ соответствующей его задачамъ.

Глубоко вѣра въ силу *слова*, Шевченко вѣдь вѣрилъ (да и намъ эту вѣру завѣщаль), что только родное слово, какъ могучее орудіе духовнаго развитія, освободитъ народъ отъ той темноты, отъ того духовнаго рабства, въ какомъ онъ пребываетъ...

Какъ-бы прежде всего на патриоты „лежащихъ на печи“, не пало осужденіе погнѣтливъ:

„Оно изумится тому, какъ жестоки
И холодно были людскія сердца,
Какъ нѣга толпою побиты пророки,
Задуманы пѣсни пѣвца!“

V.

Поминули Т. Г. Шевченка по случаю 40-лѣтія со дня его смерти и наши дѣтскіе журналы.

1) Въ «Дѣтскомъ Читеніи» за мартъ мѣсяцъ находимъ прекрасно написанную И. Вьлоусовымъ биографію поэта, два портрета и хату его, имъ самымъ рисованную. Биографія, занимая 9 страницъ, обильно снабжена цитатами изъ «Кобзаря» въ переводѣ русскихъ писателей. Цитаты эти хорошо подобраны и являются лучшей иллюстраціей и биографіи и общаго характера поэзіи Шевченка; все изложеніе и выборъ цитатъ вполне соответствующихъ возрасту читателей журнала, возбуждая въ нихъ симпатіи и къ личности поэта и къ его поэзіи. Въ заключеніе этого очерка читаемъ:

«Да и вся поэзія Шевченка представляетъ что то могучее, широкое, словно Днѣпръ или степи безкрайныя. Отъ чтенія его стиховъ вмѣстѣ съ грустью въ душу вливается бодрость. Такъ поютъ свои былины слѣпцы-кобзаря. Такъ и представляется жаркій южный день; при дорогѣ усѣлся слѣпой кобзарь съ мальчикомъ—поводыремъ. Одна рука слѣпца вертитъ незатѣйливый инструментъ, а другая нажимаетъ струны, и онъ поетъ грустно и вдохновенно про могилы—курганы молчаливые, про героев зарытыхъ въ нихъ. Духъ занимается отъ этого пѣнія и чувствуешь въ душѣ силу великую!...»

Не совсемъ удачно въ биографическомъ очеркѣ упоминаніе о сылѣ Шевченка, вызывающее въ читателяхъ лишь одно недоумѣніе. «Здѣсь же, въ Кіевѣ,—читаемъ у г. Вьлоусова—съ нимъ случилось *несчастье*: онъ былъ взятъ, отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ солдаты; служить его послали въ Закаспійскій край...» За что же? что это за несчастье? — невольно спроситъ юный читатель. Убилъ ли поэтъ кого, укралъ ли что?

2) «Дѣтскій Отдыхъ» помѣстилъ въ Февральской книжкѣ портретъ и небольшую биографію поэта, гораздо проще и цѣлесообразнѣе объяснилъ это «несчастье», не удаляясь въ сущности отъ истины и не пускаясь въ подробности. «Мирно протекала жизнь поэта въ это время,—читаемъ въ этомъ очеркѣ,—какъ вдругъ на него обрушилось несчастье: за сдѣшкомъ явные и рѣзкіе нападки на *пановъ* (помѣщиковъ) его удалили въ Оренбургскій край простымъ солдатомъ, гдѣ онъ пробылъ десять лѣтъ; затѣмъ онъ побывалъ (?) еще въ двухъ отдаленныхъ укрѣпленіяхъ и только со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II былъ помилованъ и могъ возвратиться домой»...

3) Въ «Юномъ Читателѣ» № 2 находимъ довольно обширный очеркъ жизни и дѣятельности Т. Г. Шевченка (стр. 80—111), написанный Ч. Вѣтринскимъ. И здѣсь, какъ и въ раньше изданной—имъ отдѣльною книжкою для народнаго чтенія биографіи, авторъ не даетъ своимъ юнымъ читателямъ надлежащаго свѣдѣнія о десятилѣтней сылѣ поэта, хотя и не умалчиваетъ о ней. «Шевченко,—читаемъ мы въ очеркѣ г. Вѣтринскаго—какъ то написалъ два-

три стихотворения, осмѣивавшія довольно высокопоставленныхъ лицъ. Стихотворения эти стали извѣстны и имѣли для сочинителя ихъ весьма тяжелыя послѣдствія. Въ 1847 году Тарасу Григорьевичу пришлось попасть (?) въ солдаты». Эта «служба» солдатская не названа даже невольною, ссылкой, и все сообщеніе о ней можетъ возбудить лишь одно недоумѣніе въ юномъ читателѣ». Никакого понятія не вынесетъ этотъ читатель изъ очерка и о поэзіи Шевченка. Какъ ни пріятно все таки въ журналѣ, «одобренномъ» двумя вѣдомствами для начальныхъ училищъ и народныхъ читаленъ, встрѣтить очеркъ жизни Шевченка, проникнутый симпатіей къ поэту, но—и съ этой точки зрѣнія къ очерку Вѣтринскаго можно бы предъявить большія требованія по части простоты и ясности.

4) Въ апрѣльской книжкѣ «Родины» помѣщена крайне безцвѣтная статья «памяти Т. Г. Шевченка» Ал. Левитской и три стихотворенія Шевченка въ переводѣ Н. Гербели и Л. Мея. Статейка состоитъ изъ двухъ главъ: въ первой нескладно разсказана біографія поэта, во второй — совершенно неинтересное посвященіе авторомъ могилы поэта. Въ біографіи о «несчастыи» Шевченка разсказано такъ: «Но вотъ наступилъ 1847 годъ, и съ поэтомъ случилось несчастье. Частію по злобѣ, частію по недоразумѣнію, онъ, какъ вредный членъ общества, долженъ былъ (?) понести наказаніе: Шевченка назначили служить (?) солдатомъ въ отдаленныхъ мѣстахъ Европейской и Азіатской Россіи». О запрещеніи писать и рисовать, конечно, ни слова. Дальнѣйшія строки, напротивъ, даютъ дѣтямъ право съ недоумѣніемъ отнестись къ сообщенію о такомъ запрещеніи: «только одно рисованіе, говорится въ этомъ для дѣтей написанномъ очеркѣ, — попрежнему сослужило ему службу (?); оно и развлекало его и дало ему возможность получить занятіе несравненно болѣе интересное, чѣмъ обыкновенная служба солдата. Шевченку было поручено начальствомъ ерисовывать берега Аральскаго моря»...

И ни слова о томъ, долго ли длилось это порученіе и чѣмъ и какъ пришлось расплачиваться въ теченіи 8 лѣтъ за удовольствіе этого кратковременнаго порученія...

Вообще эта небольшая поминка Шевченка въ «Родинѣ» представляетъ печальный образчикъ той лживой манеры говорить съ дѣтьми, которая, къ сожалѣнію, еще преобладаетъ въ нашихъ дѣтскихъ журналахъ. Никакого представленія о народномъ украинскомъ поэтѣ изъ этой слащавой статейки читатели не получаютъ. Причемъ здѣсь побѣдка автора на могилу поэта — совсѣмъ ужъ неизвѣстно.

5) Поминули въ Петербургѣ 40-ковую годовщину смерти Шевченка ежедневныя иллюстрированныя изданія. Въ № 9 «Сѣвера», кромѣ прекраснаго портрета и оригинальнаго рисунка Н. Дмитриева «Т. Г. Шевченку въ гробу», сдѣланнаго 26 февраля 1861 г., находимъ интересную статью Н. Липина «Т. Г. Шевченко, какъ художникъ». Интересна эта замѣтка по оригинальному взгляду автора на талантъ Шевченка, какъ на талантъ преимущественно художника. «Нерѣдко бываетъ, говоритъ авторъ, что выдающіеся люди, являясь представителями извѣстныхъ теченій современной имъ жизни, общественной или политической, до такой степени уходятъ въ эти теченія, что почти сливаются съ ними безъ остатка. Другія черты и способности ихъ либо глоснуть, либо атрофируются. Къ подобнымъ именно людямъ и принадлежитъ знаменитый украинскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, со дня кончины котораго 26-го февраля истекло ровно сорокъ лѣтъ.

Странное дѣло: Шевченко пользуется громадною популярностію, его стихотворенія и думы заучиваются наизусть, фотографія его расходятся десятками тысячъ, и въ тоже время очень немногіе знаютъ, что Тарасъ Григорьевичъ былъ художникъ, и на столько талантливый, что, право, трудно отвѣтить на вопросъ: кто въ немъ преобладаетъ—поэтъ кисти или поэтъ слова? Думаемъ,

что первый. Къ рисованію Шевченка тянуло съ дѣтскихъ лѣтъ, писать же стихи онъ началъ только въ молодости, — только на двадцать пятимъ году признали его поэтомъ.

Да, при другихъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ, изъ Шевченка вышелъ бы, несомнѣнно, крупный художникъ.

Коротко разсказавши важнѣйшія событія жизни Шевченка юности до выкупа его изъ крѣпостной зависимости, Н. Липинъ пишетъ: «Странное дѣло: насколько идейнымъ, даже тенденціознымъ былъ Шевченко въ своихъ стихахъ, настолько чистымъ художникомъ оставался онъ почти всегда въ своихъ рисункахъ и аквареляхъ. Онъ — бродягонецъ чистой воды. Даже въ жанровыхъ украинскіихъ картинкахъ, которыя, вдохновляемый воздухомъ родины, писалъ Шевченко, чувствуется бродягонецъ. Оставляйся Шевченко, въ царствѣ линій, красокъ и свѣто-тѣней его общественная роль была бы уже, но за то онъ не погибъ-бы. Но его толкали къ политической дѣятельности, и суровая десятилѣтняя ссылка въ Оренбургскую губернію сломала его. Трудно представить себѣ что нибудь болѣе тягостное, какъ эти безотрадныя, мучительные годы въ чуждой суровой землѣ. Ему запрещено было начальствомъ не только писать, но и рисовать. Последнее причиняло особенныя страданія Шевченку. И это, пожалуй, доказываетъ, что самъ Тарасъ Григорьевичъ тяготѣлъ больше къ художеству, чѣмъ къ поэзіи.

Шевченко былъ прекрасный рисовальщикъ. Рисунки его приводили въ восторгъ даже Брюллова. Былъ Тарасъ Григорьевичъ и тонкій и изящный акварелистъ. Особенно удавались ему небольшіе портреты свѣтскихъ красавицъ.

У почтеннаго Д. Л. Мордовцева имѣется интересная коллекція рисунковъ и акварелей Шевченка. — Большая часть этихъ рисунковъ, написанныхъ сепіей и карандашемъ, представляетъ собою этюды съ натуры. Каждый мазокъ акварельной кисти, каждый штрихъ карандаша въ этихъ этюдахъ краснорѣчиво говоритъ, — съ какой горячей любовью, съ какимъ пылкимъ молодымъ увлеченіемъ отдавался Шевченко своему дорогому искусству, которое заставляло его забывать о печальной прозѣ жизни.

Да, сорокъ лѣтъ назадъ, въ лицѣ Т. Г. Шевченка Россія потеряла не только знаменитаго поэта, но и выдающагося художника».

6) Въ журналѣ «Искусство и художественная промышленность» нѣсколько раньше въ декабрѣ 1900 г. (№ 3), такая же мысль выражена Е. Кузьминымъ въ обстоятельной статьѣ «Т. Г. Шевченко, какъ живописецъ и граверъ». Статья сопровождается 20 снимками съ рисунковъ Шевченка.

«Трудно сказать, говоритъ г. Кузьминъ, кто именно преобладаетъ въ Шевченкѣ — художникъ (въ узкомъ смыслѣ художника — рисовальщика) или поэтъ. Но онъ совершенно неоспоримо былъ провозглашенъ творцомъ родной литературы, его назвали пѣвцомъ Украины, и сила обстоятельствъ, почти помимо его воли, поставила его во главѣ широкаго литературно-идейнаго движенія. Шевченко съ изумленіемъ увидѣлъ вокругъ себя (?) цѣлый народъ, родной народъ, ждущій отъ него все новыхъ и новыхъ пѣсень, требующій ихъ, и Шевченку оставалось только повиноваться. Такимъ образомъ, поднявшая его къ небу волна — его же и поглотила. Южно-русскій народъ приобрѣлъ поэта. Россія потеряла художника, который, судя по силѣ его дарованія, могъ съ полнымъ основаніемъ расчитывать занять далеко не последнее мѣсто въ ряду лучшихъ именъ русскаго искусства». Вся жизнь Шевченка, равно какъ и его картины и рисунки, по мнѣнію г. Кузьмина, приводятъ къ убѣжденію, что призваніе его было — призваніе не одного только «поэта» — гражданина». «Если ужъ приходится говорить о призваніи, т. е. о той потребности духа, которая неодолимо влечетъ человѣка на извѣстную, имъ облюбованную дорогу, то, въ данномъ случаѣ, поэзіи придется, пожалуй, признать себя побѣжденной: только на 25-мъ году жизни Шевченка назвали поэтомъ, о живописи же онъ мечталъ уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ».

7) Въ № 9 «Нивы» помѣщенъ прекрасный рисунокъ Шарворона «Чума́къ», иллюстрирующий стихотвореніе Шевченка, и видъ могилы поэта по фотографіи Останковича. При объясненіи рисунковъ кратко рассказано о погребеніи Шевченка въ Каневѣ. Забѣтка заканчивается словами: «И не однимъ малороссамъ дорогъ этотъ прахъ, но и всѣмъ русскимъ, потому что свѣтъ поэзіи, озаряющей пѣсни Шевченка, одинаково сияетъ для всякаго сердца, языкъ же его произведеній — почти тотъ же русскій языкъ».

8) Изъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ поминуло 40-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка «Русское Богатство», напечатанные въ февральской книгѣ весьма интересныя «Матеріалы къ біографіи Т. Г. Шевченка» П. А. на основаніи документовъ изъ архива того батальона, въ которомъ служилъ злополучный «рядовой 5-го линейнаго Оренбургскаго баталіона». Матеріалы эти своею форменно-казенною документальностью лучше всего свидѣтельствуютъ о замѣчательно жестокомъ отношеніи къ судьбѣ поэта-художника со стороны корпуснаго командира В. А. Обручева.

9) Въ мартовской книгѣ «Міра Божьяго» въ отдѣлѣ критическихъ замѣтокъ напечатана небольшая поминка Шевченка, «величайшаго народнаго пѣвца, какового знаетъ славянская литература. Она гордится гениальными поэтами, какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, гениальными художниками, какъ Гоголь или Левъ Толстой, но народнаго пѣвца она имѣетъ только одного — Шевченка».

Не смотря на несомнѣнную симпатію къ украинскому пѣвцу, какую проникнута эта тепло написанная замѣтка, авторъ ея какъ бы боится поставить народнаго «пѣвца» рядомъ съ поэтами Пушкинымъ и Мицкевичемъ. Не всеѣмъ ясною является въ этой замѣткѣ такая фраза: «Сынъ народа, Шевченко *нигдѣ* (курсивъ автора) не является выразителемъ образованнаго общества, хотя по образованію онъ стоялъ въ уровень съ его лучшими силами»... Трудно понять, что собственно авторъ желалъ выразить этою фразою. Всеѣмъ не поясняютъ ее и дальнѣйшія слова автора: «Жестокая судьба вырвала его изъ рядовъ этого общества и закинула въ дикую пустыню далекой окраины, какъ бы желая указать, что доля народнаго пѣвца никогда не забывать страданій народа, протерпѣть все, что давить послѣдній, и лишь въ единеніи съ нимъ черпать силу и крѣпость. Это удивительное сочетаніе обстоятельствъ жизни съ духовнымъ складомъ Шевченка, какъ народнаго пѣвца, придаетъ его поэзіи такую гармонию и цѣльность, какой мы не встрѣчаемъ ни у одного поэта, вышедшаго изъ народной среды».

Ал. Андріевскій.

Памяти Т. Г. Шевченка.

(1861 — 1901 г.)

Сорокъ лѣтъ ужъ миновало,
Срокъ не малый — сорокъ лѣтъ,
Какъ тебя межъ насъ не стало,
Милый нашъ «кобзарь» поэтъ!
Въ памяти-жъ хранимъ мы свято
Драгоценный образъ твой.
Слезы-пѣсни, что за брата
Лилъ со скорбью огневой
Ты, питомецъ горькой доли,

Мы не перестали гдѣ
И въ мечтахъ о вольной-воль
Сердцемъ юнымъ пламенѣть
Будятъ въ насъ твои святни
Пѣсни эти, какъ огнемъ,
Чувства братскія, родня
Къ тѣмъ, что «меньшими» зовемъ.
Будятъ ненависти жало
Къ злой неправдѣ, темной тѣмѣ.
«Больше свѣта! свѣта мало!» —
Вырываютъ крикъ онѣ...
Спи-жъ, Тарасъ, «кобзарь» нашъ милый,
Убаюканный Днѣпромъ!
Надъ святой твоей могилой
Пусть земля лежитъ перомъ!...

Фед. Чеботаревъ.
«Орлов. Вѣстн.»

На могилѣ Шевченка.

Высоко надъ Днѣпромъ,
На обрывѣ крутомъ,
Надъ пучиною бурной, глубокой,
Гдѣ бьютъ въ берегъ валы,
Вырываясь изъ мглы,
При лунѣ блещетъ крестъ одинокій.
Подъ крестомъ тѣмъ почилъ,
Кто Украину любилъ,
Кто душою страдалъ за родимую,
Тотъ, кто въ думахъ своихъ,
Думахъ чистыхъ, святыхъ
Воспѣвалъ ее, нѣжно любимую...
Много лѣтъ онъ страдалъ,
Много лѣтъ не видалъ
Дорогой его сердцу Украины.
Тихо все, все молчитъ
И могила хранить
Никому неизвѣстныя тайны.
Волнъ днѣпровскихъ прибой
Да лишь вѣтеръ степной —
Лишь одни они въ полночь глубокую
Пѣсни, думы его,
Не боясь никого,
Надъ могилой поютъ одинокою.

В. Гиляровскій.
«Курьеръ».

Гдѣ небо сходится съ землею? *)

I.

Онъ былъ ребенокъ, и порой
Его душа его мечтой
Горѣла, съ дѣтской простотой.

*) Дѣйствительный случай изъ дѣтской жизни Т. Г. Шевченка.

Онъ думаль: Я имъ расскажу,
Гдѣ небо сходится съ землей.
Взойду на холмъ и погляжу.

И онъ взошелъ. Онъ на холмѣ.
А небо—небо впереди.
Досада горькая въ груди,
Рѣшенье быстрое въ умѣ:

—Вотъ обойду кустарникъ тотъ!
И побѣжалъ онъ безъ заботъ

Бѣжитъ. Вотъ кочка, вотъ цвѣтокъ
Мелькнулъ, качнувшись, между ногъ
Вотъ онъ кустарникъ обошелъ,
Но передъ нимъ широкій долъ,
И зноя марево, какъ дымъ,
Все больше прячетъ неба даль
Тамъ, гдѣ рѣка, свѣтла, какъ сталь,
Блестить извивомъ голубымъ.

Онъ думаль: Дальше побѣгу.

На этомъ скошенномъ дугу
Трава не будетъ мнѣ мѣшать!—
Спѣшитъ себя онъ утѣшать.

Вечерній воздухъ освѣжалъ
Лицо ребенка. Онъ бѣжалъ...
Дугъ безконеченъ. Все темнѣй
Кругомъ становится трава:
Темнѣй и неба синева.
Задорно щелкнулъ соловей,
Зарницы вспыхнули вдали,
И вотъ одна другой яснѣй
Зажглися звѣзды. И легли
Ночныя тѣни... Тихій дугъ
Тумана дымкой заблѣлъ.

Тарасъ почувствовалъ испугъ,
Остановился и присѣлъ;
Но глазъ усталыхъ не смежалъ.
Полна душистаго тепла.
Ночь невидимкою плыла.
Подъ утро холодъ набѣжалъ
И поборолъ ребенка сонъ:
Прилегъ, вздохнулъ и—замеръ онъ.

Его въ нѣмой отрадѣ сна
Лелѣють мракъ и тишина.

II.

Разсвѣтъ. На ложѣ изъ цвѣтовъ
Очнуться мальчикъ ужъ готовъ.
Глаза раскрылъ онъ. Хлынулъ въ нихъ
Горячій свѣтъ. Испуганъ, тихъ—
Онъ осмотрѣлся, дугъ облѣлъ
Росой, обозъ на немъ темнѣлъ.
Волы, колебляся, бредутъ—
И близъ ребенка—тутъ какъ тутъ.

—Э, хлопецъ, дуръ тоби, дурной!...
Что говоришь? смотрѣть пошелъ,
Гдѣ небо сходится съ землей!—

Невозмутимъ усачъ хохоль—
—Гайда! До хаты подвеземъ.
Почитъ батько батожкомъ.
Садись сюда на облучекъ!
Тарасъ усѣлся. Батожекъ
Отца, должно-быть, не пугаль:
Туда, гдѣ неба край сѣлъ
Въ лучахъ восхода, онъ смотрѣлъ
Съ унынемъ, съ тайною тоской—
Узнать онъ все-таки хотѣлъ:
Гдѣ небо сходится съ землей?

III.

Прошли года. Прошли, какъ часъ...
Сидитъ сѣдой усачъ Тарасъ
Близъ Орской крѣпости, во тьмѣ,
Въ цѣпяхъ--съ тоской глядитъ во тьму--
И мыслить горестно: ему—
Какъ въ дѣтствѣ—было то давно,—
Увы, весь вѣкъ не суждено—
Увидѣть свѣтлый край такой,
Гдѣ небо сходится съ землей!

A.

«Сѣвер. Край».

Р. 2087
H-89484

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

11. 29 a

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

